

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Гамлет. Король Лир. Макбет

ПЕРЕВОД ЮРИЯ ЛИФШИЦА

Уильям Шекспир
Гамлет. Король Лир. Макбет.
Перевод Юрия Лифшица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23931757
ISBN 9785448510502

Аннотация

В переводе Ю. Лифшица представлены, пожалуй, три самые знаменитые трагедии У. Шекспира: «Гамлет», «Король Лир» и «Макбет». Глубокое проникновение в древнеанглийский текст в сочетании с максимально возможной приближенностью к оригиналу и изяществом слога делают переводы интересными для читателей, интересующихся классической литературой. Данный перевод «Гамлета» шел на сцене Челябинского ТЮЗа в 1991—1993 гг. В оформлении обложки использована картина французского художника Т. Шассерио (1819—1856).

Содержание

Гамлет, принц датский	5
Действующие лица	5
Акт первый. Сцена первая	7
Акт первый. Сцена вторая	15
Акт первый. Сцена третья	26
Акт первый. Сцена четвертая	32
Акт первый. Сцена пятая	37
Акт второй. Сцена первая	45
Акт второй. Сцена вторая	51
Акт третий. Сцена первая	77
Акт третий. Сцена вторая	85
Акт третий. Сцена третья	103
Акт третий. Сцена четвертая	108
Акт четвертый. Сцена первая	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

**Гамлет. Король
Лир. Макбет
Перевод Юрия Лифшица**

Уильям Шекспир

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4485-1050-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гамлет, принц датский

Действующие лица

КЛАВДИЙ, король датский.

ГАМЛЕТ, сын умершего короля и племянник Клавдия.

ФОРТИНБРАС, принц норвежский.

ГОРАЦИО, друг Гамлета.

ПОЛОНИЙ, советник Клавдия.

ЛАЭРТ, сын Полония.

ВОЛЬТИМАНД, КОРНЕЛИЙ, РОЗЕНКРАНЦ, ГИЛЬ-

ДЕНСТЕРН, ОЗРИК, ДВОРЯНИН, придворные.

СВЯЩЕННИК

МАРЦЕЛЛ, БЕРНАРДО, офицеры стражи.

ФРАНЦИСКО, солдат.

РЕЙНАЛЬДО, слуга Полония.

КАПИТАН.

АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛЫ.

АКТЕРЫ.

ДВА МОГИЛЬЩИКА.

ГЕРТРУДА, королева датская.

ОФЕЛИЯ, дочь Полония.

ПРИЗРАК ОТЦА ГАМЛЕТА.

ЛОРДЫ, ЛЕДИ, ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ, МОРЯКИ,

ГОНЦЫ и СЛУГИ.

Место действия – Эльсинор.

Акт первый. Сцена первая

Эльсинор. Площадка перед замком.

На посту ФРАНЦИСКО. К нему подходит БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО. Стой! Кто идет?

ФРАНЦИСКО. А ты кто будешь?

БЕРНАРДО. Слава королю!

ФРАНЦИСКО. Бернардо, ты?

БЕРНАРДО. Он самый.

ФРАНЦИСКО. Ровно полночь.

Ты точен, как всегда.

БЕРНАРДО. Ступай-ка спать.

ФРАНЦИСКО. Как хорошо, что ты не опоздал:

Мне холодно, и сердце не на месте.

БЕРНАРДО. Что, смена беспокойная?

ФРАНЦИСКО. Да нет.

И шороха мышиноного не слышал.

БЕРНАРДО. Ну что ж, ступай. А если по дороге

Тебе мой сменщик встретится, Марцелл, —

Поторопи, пожалуйста, его.

ФРАНЦИСКО. Вот, кажется, и он. — Стой! Кто идет?

Входят ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

ГОРАЦИО. Свои, свои.

МАРЦЕЛЛ. Короны датской слуги!

ФРАНЦИСКО. Ну, мне пора.

МАРЦЕЛЛ. Спокойной ночи, друг.

Кто на посту?

ФРАНЦИСКО. Бернардо. Мне пора.

МАРЦЕЛЛ. Ступай, солдат.

(ФРАНЦИСКО *уходит.*)

Бернардо, это я.

БЕРНАРДО. Скажи, Марцелл, Горацио пришел?

ГОРАЦИО. Наполовину сонный, но пришел.

БЕРНАРДО. Спасибо и на том. Привет, Марцелл.

МАРЦЕЛЛ. Сегодня тень являлась?

БЕРНАРДО. Нет пока.

МАРЦЕЛЛ. Горацио не верит в привиденье,

Пугающее нас уже две ночи, —

Нам, дескать, все приснилось, говорит.

Но тем не менее, он согласился

Побыть сегодня с нами на часах.

И если тень пожалует опять,

Он с ней попробует заговорить.

Своим глазам, надеюсь, он поверит.

ГОРАЦИО. Вам долго ждать придется.

БЕРНАРДО. Я осмелюсь

Призвать на помощь наши наблюденья

И заново атаковать ваш слух,

Мои слова встречающий в штыки.

ГОРАЦИО. Ну, что с тобой поделаться, — атакуй.

БЕРНАРДО. Смотрите: вон звезда, левой Полярной.

Как только, выплыв из-за облаков,

Она вчера сверкнула в небесах

В том месте, где мерцает и сегодня, —

Марцелл и я, – а было ровно час...

Входит ПРИЗРАК.

МАРЦЕЛЛ. Стоп! Замолчи! Смотрите: вот и он!

БЕРНАРДО. На короля усопшего похож.

МАРЦЕЛЛ. Горацио, задай ему вопрос —

Ты ведь знаток.

БЕРНАРДО. Похож на короля?

ГОРАЦИО. Мороз по коже – до чего похож!

БЕРНАРДО. Вопросы ждет.

МАРЦЕЛЛ. Горацио, давай!

ГОРАЦИО. Кто ты такой и по какому праву

Являешься полночною порой,

Присвоив грозный облик, что когда-то

Принадлежал покойному владыке?

Во имя неба, требую, ответь!

МАРЦЕЛЛ. Он, кажется, обиделся!

БЕРНАРДО. Уходит!

ГОРАЦИО. Остановись! Я требую ответа!

(ПРИЗРАК *уходит.*)

МАРЦЕЛЛ. Явился молча – молча и пропал.

БЕРНАРДО. Что скажете, Горацио, теперь?

Да вы, гляжу, от ужаса бледны.

По-вашему, нам это все приснилось?

ГОРАЦИО. Простите Бога ради, что не верил.

Но правоту рассказа твоего

Я только что глазами ощутил.

МАРЦЕЛЛ. А на его величество похож?

ГОРАЦИО. Как ты – на отражение свое.

Он точно так же был вооружен,

Когда Норвежцу гонор сбил в бою;

И точно так же выглядел сурово,

Когда с Поляком вел переговоры

И гневно стукнул по льду бердышом.

Здесь тайна есть.

МАРЦЕЛЛ. При нас об эту пору

Два раза так он промаршировал.

ГОРАЦИО. Ума не приложу, что это значит,

Но, видимо, державу ожидает

Досель невиданное потрясенье.

МАРЦЕЛЛ. Наверное. Присядем, господа.

Кто может мне ответить, почему

Свирепствуют ночные патрули?

Зачем всю медь на пушки переводят,

А золото – на порох заграничный?

Зачем неделями, без выходных,

Потеют корабелы? Как случилось,

Что в круглосуточную круговерть

Втянул нас труд тяжелый? Кто мне скажет?

ГОРАЦИО. Я. Но за достоверность не ручаюсь.

Должны вы знать, что бывший наш король,
Представший нынче в виде привиденья,
На поединок вызов получил
От короля норвежцев Фортиnbrаса,
Самоуверенного гордеца.
Условия такие огласили:
Норвежец ставил на кон королевство,
А наш достойный государь – свое,
И тот, кто побеждал в единоборстве,
Удваивал владения свои
За счет того, кто будет побежден.
Так старший Гамлет – признанный боец, —
Убив Норвежца, взял его страну,
Во исполненье пунктов договора.
Но сын Норвежца, юный Фортиnbrас,
Горячий, как расплавленный металл,
Чуть ли не всю Норвегию обрыскал
И понабрал таких сорвиголов,
По ком веревка плачет, кто способен
За хлеб и воду горло перегрызть.
И с этим сбродом хочет Фортиnbrас
Вернуть назад – чего он не скрывает —
Посредством силы собственные земли,
Каких он был в младенчестве лишен.
Вот почему суровы патрули;
Вот по какой причине, полагаю,
Кипит у нас работа день и ночь;
Вот отчего страну так лихорадит.

БЕРНАРДО. Наверно, это правда. Не случайно

Зловещей тенью бродит государь,
Похожий на того, кто был причастен
К возникновенью этой кутерьмы.

ГОРАЦИО. Такое может разом ослепить.

Взять, например, величественный Рим.
Там, накануне Цезаревой смерти,
Своих жильцов извергнули гробы;
На улицах спеленатые трупы,
Гремя костями, дико завывали;
Кровавый дождь струился с высоты;
Тянулся за кометой шлейф огня;
Кипело солнце; словно в судный день,
Светилось тускло влажное светило,
Царящее в империи Нептуна.
И ныне то же: предзнаменованье,
Ужасное предвестие судьбы,
Грядущих бед пророческий пролог
Предпосылают небо и земля
И нашему народу через нас.

ПРИЗРАК *возвращается.*

Смотрите! Он вернулся! Будь что будет,
Но я к нему приближусь! – Дух, замри!
О, если ты способен говорить,
Скажи хоть слово мне!
Быть может, должен сделать я добро,
Чтоб ты обрел покой, а я спасенье,
Скажи, скажи!

Быть может, устрaшен судьбой страны,
Пришел ты, чтобы нас предупредить,
Скажи мне! О скажи!

Быть может, деньги, залитые кровью,
Ты спрятал здесь, – а там, как говорят,
Вам, призракам, нет места из-за них, —
Скажи, скажи, скажи, скажи, скажи!

Поет петух.

Остановись! Лови его, Марцелл!
МАРЦЕЛЛ. Ударить топором?
ГОРАЦИО. Бей чем угодно,
Но задержи!
БЕРНАРДО. Идет!
ГОРАЦИО. Идет!

(ПРИЗРАК *уходит.*)

МАРЦЕЛЛ. Ушел!
Мы явно оплошали, господа,
Набросившись на призрак величавый.
Смешно и глупо драться было с ним:
Он, как эфир, для нас неуязвим.
БЕРНАРДО. Он было начал речь – запел петух.
ГОРАЦИО. И сразу, как преступник уличенный,
Исчез он. Говорят, что, услышав
Крикливый клич горластого певца,
Встает от сна дневное божество,

А призрак неприкаянный спешит
Прервать ночное бдение и скрыться —
В которой бы из четырех стихий
Призыв петуший духа не застиг.
Теперь мы знаем: верен этот слух.

МАРЦЕЛЛ. Петух запел – растаяло виденье.

Толкуют люди, что один раз в год,
На Рождество Спасителя, в сочельник,
Всю ночь горланит утренняя птица.
Такая ночь безвредна, говорят:
Бездействуют зловещие планеты,
Не в состоянье призраки бродить
И нечисть колдовать перестает —
Такая в эту пору благодать.

ГОРАЦИО. Что ж, очень может быть. А вот и утро,

В своей багряной мантии, с востока,
Скользит с горы на гору по росе.
Закончилось дежурство. Я считаю,
Что принцу все должны мы рассказать.
Клянусь вам жизнью, Гамлету удастся
Разговорить немое привиденье.
А вы как полагаете: исполнить
Веленье чести, долга и любви?

МАРЦЕЛЛ. Что за вопрос! Идемте. Мне известно,

Где можно утром принца отыскать.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Приемный зал в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТ, ПОЛОНИЙ, ЛАЭРТ, ВОЛЬТИМАНД, КОРНЕЛИЙ, ЛОРДЫ и СЛУГИ.

КОРОЛЬ. Хотя о брате нашем дорогом,
Почившем в Бозе, память не остыла,
И мы, благопристойность соблюдая,
Должны в тоске сердечной пребывать,
А нашим верноподданным пристало
От общего несчастья помрачнеть, —
Но дух так скоро тело одолел,
Что наша грусть, разумная, по брате
Нам не дала забыть и о себе.
И вот мы с нашей вдовою сестрой,
Законною наследницей престола,
Смеясь, как говорится, через силу,
Рыдая и от скорби, и от счастья,
Подняв бокал за здравие на тризне,
На свадьбе – осушив за упокой,
Разбавив, так сказать, тоскою радость, —
Вступили в брак и всех благодарим,
Кто поддержал нас в этом. Во-вторых,
Как вам известно, юный Фортинбрас,
О славе ратной грезя наяву,

Решил, видать, что после смерти брата
В стране у нас царит неразбериха,
Иль нашу доблесть низко оценил, —
Но нас он в письмах нагло вынуждает
Убраться из владений, каковые
Отторгнул честно у его отца
Достойный Гамлет, брат наш. Вот и все.
Теперь о том, что мы предпринимаем.
Мы шлем Норвежцу, дяде Фортиnbrаса,
Прикованному старостью к постели,
Не знающему, видно, что затеял
Его племянник, — это вот письмо,
В котором предлагаем старику
Унять юнца, поскольку нужды войска
Норвегию способны разорить.
Корнелий, вы, и, вы, мой Вольтиманд,
Письмо и пожелание здоровья
Передадите старцу. Мы даем
Вам столько полномочий, сколько есть
В известных вам статьях. Итак, вперед.
Помножьте ваше рвение на скорость.
КОРНЕЛИЙ и ВОЛЬТИМАНД. Нам рвенья, государь,
не занимать.
КОРОЛЬ. Мы так и полагали. До свиданья.

(КОРНЕЛИЙ и ВОЛЬТИМАНД *уходят.*)

А вы, Лаэрт, с какою целью здесь?
У вас, наверно, просьба к нам, Лаэрт?

Когда она разумна, ваш король
Ее немедля удовлетворит.
Припомните, Лаэрт, какое ваше
Желанье нами не предупреждалось?
Трон Дании без твоего отца —
Как рот проголодавшийся без рук,
Как тело с головою, но без сердца.
О чем ты просишь?

ЛАЭРТ. Добрый государь!

Позвольте мне во Францию вернуться.
Приехал из Парижа я затем,
Чтоб новому монарху присягнуть.
Но долг отдав – чего греха таить! —
Я всей душой во Францию стремлюсь.
Покорнейше прошу вас: отпустите.

КОРОЛЬ. Отца спросил? Что скажете, Полоний?

ПОЛОНИЙ. Ох, государь, назойливость Лаэрта
Не знает меры. Я и уступил —
Чтоб только отвязаться от него.
Пускай он едет, если вы не против.

КОРОЛЬ. Счастливый путь, Лаэрт! Ты благороден
И время не убьешь на пустяки.

А вы, принц Гамлет, родственник и сын...

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Ну нет, скорее родственник,
чем сын.

КОРОЛЬ. Вы до сих пор скрываетесь в тени?

ГАМЛЕТ. Что делать – если солнце мне вредит!

КОРОЛЕВА. Зачем так мрачно, Гамлет? Что за тон?

Будь с новым государем любезней.

Нельзя же век по кладбищу бродить,
Отца родного в мыслях воскрешая.
Таков закон природы: мы живем,
Чтобы потом забыться вечным сном.

ГАМЛЕТ. Да, мой отец забылся вечным сном.

КОРОЛЕВА. Что ж кажется тебе чудного в том?

ГАМЛЕТ. Ах, кажется! Я вижу то, что есть.

Мне ничего не кажется, мадам.
Вы думаете, мой зловещий плащ
Или костюм, чернильного черней,
Иль судорожно-сдавленные вздохи,
Потоки слез, печальное лицо,
Десятки прочих признаков тоски
Рассказывают правду обо мне?
Вам это только кажется, поверьте.
Любой сыграть способен эту роль.
Моя печаль во мне затаена,
А той, нарядной скорби – грош цена.

КОРОЛЬ. Похвально, Гамлет, вы не бессердечны.

Оплакивать отца – сыновний долг.
А ваш отец оплакал своего,
Тот – своего. Приличествует сыну
Печалиться по милому отцу.
Но сколько можно? Это святотатство —
С таким упорством скорби предаваться.
Мужчина так не должен горевать:
Роптать на Бога, то есть проявлять
Болезнь души, затмение ума,
Неопытность и детскую наивность.

Коль скоро нечто с нами происходит
Помимо нашей воли, для чего
Брюзгливым неприятием терзать
Себя так долго? Стыдно. Это грех
Перед Творцом и тварями его.
Уму непостижимый грех – ведь ум
Привык к словам «Бог дал и Бог забрал»,
Над первым мертвецом произнесенных
Иль над последним – смертны и отцы.
Вам надо сбросить с плеч печали груз
И короля назвать вторым отцом.
Пусть знают все: наследник вы и нами
Обласканы с не меньшею любовью,
Чем та, какую сына окружает
Родной отец. А вот стремленье ваше
Возобновить ученье в Виттенберге —
Не вызвало в нас воодушевления.
Пожалуйста, решенье отмените,
Останьтесь, и утешен будет нами
Наш фаворит, наш родственник и сын.
КОРОЛЕВА. Ты, Гамлет, мать не огорчишь отказом.

Не ездите в Виттенберг. Я так хочу.

ГАМЛЕТ. Сударыня, я мать не огорчу.

КОРОЛЬ. Ответ, достойный любящего сына.

Вы в Дании хозяин, а не гость.

Идемте, госпожа. Наш милый сын

Нам уступил. Отметим это пиром.

Сегодня ночью пушка возвестит

О каждой чаше, выпитой монархом,

И грохотом разбуженное небо
Вернет земле раскаты. До свиданья.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

ГАМЛЕТ. О, если б этой слишком крепкой плоти
Рассыпаться, растаять, испариться!
О если б не Предвечный, не закон,
Карающий самоубийцу! Боже!
Как болен, гадок, скучен и нелеп
Твой бранный мир! Глаза бы не глядели!
Ужасно! Поле, тучное когда-то,
Родит не рожь, а плевелы плодит:
Вся нива в сорняках. Так низко пасть!
Два месяца, нет, меньше двух, как умер
Король великий. Как он мать любил!
Дохнуть не смели ветры на нее,
Когда он жив был. Небо и земля!
Жена тянулась к мужу, словно рос
У ней от насыщенья аппетит.
А тридцать дней спустя... С ума сойти!
Любить сатира после Аполлона!
Предательство, зовешься ты женой!
Какой-то месяц! В тех же башмаках,
В каких брела, супруга провожая,
Слезами, как Ниоба, исходя —
О Господи! Собака бы и то
От горя выла б дольше над могилой! —
Сошлась с отцовым братом, с королем,

Похожим на отца и короля,
Как я – на Геркулеса. Тридцать дней!
Хотя еще красны от горьких слез
Глаза вдовы – вновь замужем она.
От похоти греховной содрогаюсь,
На ложе кровосмесное возлечь!
Нет, это все не кончится добром.
Но, сердце, рвись: приходится молчать.

Входят ГОРАЦИО, МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО.

ГОРАЦИО. Светлейший принц!

ГАМЛЕТ. Глазам своим не верю!

Горацио! Вы, часом, не больны?

ГОРАЦИО. Здоров, милорд, и вам готов служить.

ГАМЛЕТ. Вы – мне, я – вам, поскольку мы друзья.

Но чем же надоел вам Виттенберг? —

Я знаю, вы – Бернардо, вы – Марцелл.

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Так точно, принц.

ГАМЛЕТ. Я рад вам. Добрый вечер.

Так чем вам опротивел Виттенберг?

ГОРАЦИО. Моею ленью собственной, милорд.

ГАМЛЕТ. Вас так не оболгали б и враги,

И вам друзей не следует морочить

Неправдою о собственной персоне.

Мне ль вас не знать? Однако берегитесь:

Вы с нами тут сопьетесь невзначай.

Что, дело привело вас в Эльсинор?

ГОРАЦИО. Нет, похороны вашего отца.

ГАМЛЕТ. Да вы смеетесь, мой ученый друг!

Скорее – свадьба матери моей.

ГОРАЦИО. Да, первое совпало со вторым.

ГАМЛЕТ. Расчет, Горацио, прямой расчет

Доесть на свадьбе ужин поминальный!

Я, видя это пиршество, жалел,

Что не в аду я, в обществе врага.

Отец! Он как живой передо мною.

ГОРАЦИО. Где?!

ГАМЛЕТ. В отражение памяти моей.

ГОРАЦИО. Я знал его: великий был король!

ГАМЛЕТ. Король великий был и – человек.

Таких теперь не сыщешь днем с огнем.

ГОРАЦИО. Он, кажется, сегодня приходил.

ГАМЛЕТ. Кто приходил, простите?

ГОРАЦИО. Ваш отец.

Король покойный.

ГАМЛЕТ. Мой отец? Покойный?

ГОРАЦИО. Повремените удивляться, принц,

Позвольте рассказать о привиденье.

Порукою мне эти господа.

ГАМЛЕТ. Я Богом заклинаю, говорите!

ГОРАЦИО. Уже две ночи этим господам,

Бернардо и Марцеллу, в карауле,

Часов в двенадцать видеть довелось,

Как, вынырнув из мертвой бездны, нечто,

Похожее на вашего отца,

Закованное полностью в броню,

Прошествовало трижды мимо них

Не далее протянутой руки;
Они ж, не в силах вымолвить ни слова,
За ним следили, выпучив глаза,
И, как желе, от ужаса тряслись.
Когда от них узнал я обо всем,
Конечно, не поверил, но сегодня
Я видел сам, как появлялась тень.
Прекрасно знал я вашего отца:
Ваш батюшка и призрак больше схожи,
Чем эти руки.

ГАМЛЕТ. Где все это было?

МАРЦЕЛЛ. Где пост наш, на площадке орудийной.

ГАМЛЕТ. Вы с ним заговорили?

ГОРАЦИО. Да, милорд.

Но он молчал. Однако был момент,
Когда он головой движенье сделал,
Как если бы хотел заговорить.
Но тут запел петух, и дух в испуге
Отпрянул прочь и прямо на глазах
Растаял в темноте.

ГАМЛЕТ. Невероятно!

ГОРАЦИО. На плаху лягу, если это ложь!

И мы сочли, что не имеем права

Об этом вам, милорд, не рассказать.

ГАМЛЕТ. Я верю вам. Но мне не по себе.

Сегодня ваша смена?

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Наша, принц.

ГАМЛЕТ. Он был в броне?

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Так точно.

ГАМЛЕТ. Целиком?

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. И полностью.

ГАМЛЕТ. Лицо вы разглядели?

ГОРАЦИО. Забрало было поднято, милорд.

ГАМЛЕТ. И как смотрел он? Гневно?

ГОРАЦИО. Не сказал бы.

Скорей, милорд, печально.

ГАМЛЕТ. Был он бледен?

ГОРАЦИО. Да, бледен.

ГАМЛЕТ. И навел глаза на вас?

ГОРАЦИО. Смотрел в упор.

ГАМЛЕТ. Хотел бы я быть с вами!

ГОРАЦИО. Милорд, вы были бы потрясены.

ГАМЛЕТ. Наверно. И как долго это длилось?

ГОРАЦИО. Спокойно можно было бы сосчитать

До ста.

МАРЦЕЛЛ и БЕРНАРДО. Нет, дольше.

ГОРАЦИО. Это без меня.

ГАМЛЕТ. Сед бородою?

ГОРАЦИО. Серебристо-черен —

Как и тогда, когда он был в живых.

ГАМЛЕТ. Я к вам приду сегодня. Вдруг виденье

Пожалует еще раз.

ГОРАЦИО. Убежден.

ГАМЛЕТ. И если снова в облике отца,

Я расспрошу его – и пусть посмеет

Мне адово отродье помешать.

Но раз уж до сих пор, друзья мои,

Молчали про увиденное вы,

Теперь тем более не проболтайтесь.
И все, что ночью ни произойдет,
Рассудку вверьте, а не языку.
Ну, а за мной не пропадет. Прощайте.
Я около двенадцати приду.

ВСЕ. Почтенье, принц.

ГАМЛЕТ. Предпочитаю дружбу,
И пусть взаимной будет. До свиданья.

(Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.)

Отцова тень. Подвох какой-то. Скверно.
Скорей бы ночь! Спокойнее, душа:
Ведь сколько черных дел ни хорони,
Хоть из-под плит, но выползут они.

(Уходит.)

Акт первый. Сцена третья

Комната в доме Полония.

Входят ЛАЭРТ и ОФЕЛИЯ.

ЛАЭРТ. Багаж мой на борту. Давай прощаться.

А если вдруг представится возможность
Послать с попутным судном письмецо, —
Сестра, не прозеваешь?

ОФЕЛИЯ. Как ты можешь!

ЛАЭРТ. А прихоть принца я могу назвать

Игрой в любовь; горячкою в крови;
Фиалкой нежной – первенцем весны,
Неосторожным и недолговечным;
Непрочным ароматом – вот и все.

ОФЕЛИЯ. Ты так считаешь?

ЛАЭРТ. Так и ты считай.

Растет не только тело человека, —
Нет, в этом храме силою природы
Растет работа мысли и души.

Допустим, принц в тебя сейчас влюблен
И не имеет грязных побуждений.
Но вспомни о его происхожденье
И берегись. Себе он не хозяин.

Своим рожденьем связан по рукам,
По вкусу он, как мы, не выбирает,

Но должен, избирая, помышлять
О пользе государства, хлопотать
Об организме, коего он мозг.
А если он в любви тебе клянется,
Мудрей всего – ему не доверять,
Пока его высочество делами
Речей не подкрепит – и то не раньше,
Чем Дания на это согласится.
А честь твоя? Что будет, если ты
Начнешь плясать под дудочку его,
Забудешься, сокровище свое
Задаром вымогателю отдашь?
Офелия, сестрица, опасайся.
К такой любви спиною повернись.
Беги от стрел коварного божка.
От девушки убудет, если месяц
Увидит ночью прелести ее.
Наветы очернят и чистоту.
Случается, что черви поедают
Еще не распустившийся цветок.
В густом тумане утренней зари
Губительней влияние заразы.
Страшись. Порою зло не во врагах,
А в том, что мы с собою не в ладах.

ОФЕЛИЯ. Уздою наставленья твоего
Смирю я сердце. Но мой строгий брат
Случайно не двуличный проповедник,
Что всем твердит об истинном пути,
А сам, исполнен всяческих пороков,

Срывает первоцвет в саду утех,
Наперекор своим увещеваньям?
ЛАЭРТ. За брата своего не беспокойся.
Однако мне давно пора идти.

Входит ПОЛОНИЙ.

Мне выпала двойная благодать:
Благословиться дважды на прощанье.
ПОЛОНИЙ. Чего ты ждешь, Лаэрт? Тебе не стыдно?
Оседланы уж ветром паруса,
А ты все здесь, а не на корабле.
Ну, хорошо, прими благословенье
И намотай на ус мои слова.
Старайся о намереньях своих
Помалкивать, а глупостей не делать.
В своем кругу приветливо держись.
Тех из друзей приковывай к себе,
Кто испытанье выдержал твое,
А не ходи в обнимку с первым встречным.
Раздоров постарайся избегать,
Но если что, давай такой отпор,
Чтоб избегали ссориться с тобой.
Поменьше говори, побольше слушай.
Не сплетничай, но сплетен не страшись.
Не экономь на платье: одевайся
Роскошно, но со вкусом, без причуд.
Во Франции на этом, как нигде,
Помешаны, и не одни дворяне.

Взаймы и не бери, и не давай:
Ни денег, ни друзей не соберешь,
А вот расчет хозяйственный притупишь.
Но что важней всего: себе не лги,
И как за ночью следует рассвет,
Не сможешь ты и ближнему солгать.
Прощай! И пусть моим благословеньем
В тебе советы эти прорастут.

ЛАЭРТ. Позвольте мне откланяться, отец.

ПОЛОНИЙ. Ступай. Тебя, наверно, жаждались.

ЛАЭРТ. Офелия, сестра, до скорой встречи.

Почаще вспоминай наш разговор.

ОФЕЛИЯ. Ты в памяти моей его замкнул,

А ключ себе оставил.

ЛАЭРТ. До свиданья.

(Уходит.)

ПОЛОНИЙ. Офелия, о чем вы говорили?

ОФЕЛИЯ. О Гамлете, коль будет вам угодно.

ПОЛОНИЙ. О Гамлете? Какое совпадение!

Мне донесли, что с некоторых пор

Он стал с тобою время проводить,

И ты его отнюдь не избегаешь.

Но если это верно – а меня

Предупредили сведущие люди, —

Позволь сказать, что ты не представляешь,

Как дочь моя должна себя вести.

Что говорил тебе он? Отвечай.

ОФЕЛИЯ. Мне знаки своего расположения
Оказывал милорд.

ПОЛОНИЙ. Расположенья?

Черт побери! Ты зелена еще,
Чтоб в этом смыслить. Или ты всерьез
Его – как, бишь, их? – знаки приняла?

ОФЕЛИЯ. Теперь я ничего не понимаю.

ПОЛОНИЙ. Не понимаешь, – так спроси отца.

Ребенок ты, которому всучили
Фальшивый грош. Не просчитайся впредь.
Иначе, право слово, мы с тобой
Окажемся в дурацком положении.

ОФЕЛИЯ. Отец, он изъяснялся мне в любви
В отборных выраженьях.

ПОЛОНИЙ. Ах, в отборных!

Могу себе представить. Продолжай.

ОФЕЛИЯ. А также – в доказательство признаний —
Священные обеты приводил.

ПОЛОНИЙ. Так ловят птичек. Можешь мне поверить,

Когда пылает кровь, то с языка
Летят одни священные обеты.
Костром такие искры не считай,
Ни холодно, ни жарко от которых:
Едва сверкнув, умрут они. В дальнейшем
Скупей дари свиданьями его;
Пусть у тебя валяется в ногах.
Нет, верить принцу верь – но лишь в одном:
Что юноша не девушка и может
В любви зайти довольно далеко.

Короче говоря, не доверяй
Его обетам – хитрым торгашам,
Которые комедию ломают,
Намеренья нечистые скрывая
Под маской честности и доброты,
А сами надувают. И еще.
С сегодняшнего дня ты не должна
Своим досугом злоупотреблять,
Болтая с принцем. Это мой приказ.
Смотри же, я тебя предупредил.
ОФЕЛИЯ. Дочерний долг – отцу повиноваться.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена четвертая

Площадка перед замком.

Входят ГАМЛЕТ, ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

ГАМЛЕТ. Как жалит ветер! Я окоченел.

ГОРАЦИО. Немудрено – на таком ветру.

ГАМЛЕТ. Еще не полночь?

ГОРАЦИО. Около того.

МАРЦЕЛЛ. Нет, первый час.

ГОРАЦИО. Выходит, я проспал.

Но этот самый час для посещений
И выбрал дух.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Милорд, что это значит?

ГАМЛЕТ. Ночная оргия у короля.

В подпитии отплясывает он.

И лишь с рейнвейном чашу опрокинет,

Как славят пушки, трубы и литавры

Его победу.

ГОРАЦИО. Это ваш обычай?

ГАМЛЕТ. Представь себе, обычай. Но хотя

Он с детства мне известен, я считаю,

Что мало чести следовать ему.

Мы – притча во языцех за свое
Хмельное буйство. Называют нас
Пропойцами, чествуют и непечатно.
И в самом деле, наше винопийство
Уничтожает напрочь всякий смысл
Деяний наших – даже величайших.
К примеру, если кто-нибудь имеет
Наследственный изъян, – тут нет вины:
Никто да и ничто на этом свете
Само себя не в силах сотворить, —
Допустим, слишком вспыльчивый характер,
Границы разума переходящий,
Или такую вредную привычку,
Что многих раздражает, – если кто
Хотя бы в чем-нибудь несовершенен,
По воле случая или природы,
Будь он святым – насколько человек
Способен быть им, – злые языки
За мелкий грех его не пощадят.
Так ложка дегтя портит бочку меда;
Так от глотка вина страдает честь.

Входит ПРИЗРАК.

ГОРАЦИО. Принц, обернитесь! Посмотрите: вот он!
ГАМЛЕТ. Обороните, ангелы небес!

Злой дух ты, порожденный вздохом бездны,
Иль выдохнутый небом добрый дух,
Беду иль благо твой приход сулит —

Хотя и подозрителен твой облик, —
С тобою, как с отцом, я говорю.
Владыка датский, сыну отвечай!
Не убивай неведеньем его!
Зачем твои останки, сбросив саван,
Наружу выбрались из-под земли?
Зачем, разинув мраморную пасть,
Тебя извергнул склеп, в котором ты,
Казалось бы, навеки опочил?
Наш слабый ум не в силах уяснить,
Как ты, покойник, в латах, возмутил
Ночной покой, явился в лунных бликах
И нас потряс до глубины души
Виденьем, не доступным пониманью?
Что это? Почему? Чего ты хочешь?

ПРИЗРАК *манит* ГАМЛЕТА.

ГОРАЦИО. Он вас зовет и, кажется, не прочь
Наедине, без нас поговорить.

МАРЦЕЛЛ. Смотрите, он во что бы то ни стало
К себе, милорд, вас хочет подманить.
Но вы не поддавайтесь.

ГОРАЦИО. Не дай Бог!

ГАМЛЕТ. При вас он будет нем. Я подойду.

ГОРАЦИО. Милорд, опасно.

ГАМЛЕТ. Чем? Чем я рискую?

По мне, так жизнь не стоит и булавки.
А как моей душе бессмертной может

Бессмертный этот призрак навредить?

Опять зовет. Я должен подойти.

ГОРАЦИО. А если заведет он вас на кручу,

Стоящую на берегу морском,

И чем-нибудь внезапно ужаснет

И мозг в безумье вгонит, чтобы вы,

Себя не помня, бросились в пучину?

И без того заходит ум за разум

У нас от высоты, когда под нами

Беснуются бесчисленные волны,

С рычаньем разбиваясь об утес.

ГАМЛЕТ. Он машет мне! – Иди! Я – за тобой!

МАРЦЕЛЛ. Нельзя идти, милорд!

ГАМЛЕТ. Подите прочь!

ГОРАЦИО. Остановитесь!

ГАМЛЕТ. Это – провиденье!

И в мышцах у меня такая мощь,

Как будто лев я, а не человек.

ПРИЗРАК *манит* ГАМЛЕТА.

Он машет мне! Отстаньте, я сказал!

Пустите – или в духов превращу!

Ступай вперед! Я – следом за тобой.

(ПРИЗРАК *и* ГАМЛЕТ *уходят*.)

ГОРАЦИО. Он просто невменяем.

МАРЦЕЛЛ. Да, пожалуй.

Но мы его не бросим, господа.

ГОРАЦИО. Само собой. – Чем это обернется?

МАРЦЕЛЛ. Да, государство датское смердит.

ГОРАЦИО. Господь его спаси!

МАРЦЕЛЛ. Идемте к принцу.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена пятая

Другая часть площадки.

Входят ПРИЗРАК и ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Я более не сделаю ни шагу.

Здесь говори!

ПРИЗРАК. Ну, слушай.

ГАМЛЕТ. Я готов.

ПРИЗРАК. И часу не пройдет, как буду я

Опять в огне чистилища гореть.

ГАМЛЕТ. Мне жаль тебя.

ПРИЗРАК. Ты не перебивай,

А слушай со вниманьем, если хочешь

Узнать про все.

ГАМЛЕТ. Я должен все узнать.

ПРИЗРАК. И отомстить, когда узнаешь все.

ГАМЛЕТ. Что ты сказал?

ПРИЗРАК. Дух твоего несчастного отца,

Я обречен до той поры блуждать

Из ночи в ночь, стеляя день за днем,

Покуда не очишусь от грехов

Прижизненных в огне. Но разглашать

Запрещено мне тайны преисподней.

А то б я в двух словах сумел тебе

Изранить сердце, выморозить кровь,

Глаза твои, как звезды, погасить,
Взъерошенную вздыбить шевелюру,
Чтоб походили волосы твои
На иглы бешеного дикобраза.
Но вечности секреты – не для смертных.
О слушай, слушай, слушай! Если ты
Отца любил воистину...

ГАМЛЕТ. О Боже!

ПРИЗРАК. Его убийце отомсти!

ГАМЛЕТ. Убийце?

ПРИЗРАК. Убийцы – это изверги природы,

Но этот изверг – дьявол во плоти.

ГАМЛЕТ. О продолжай! Чтоб с быстротою ветра,

Быстрее пылкой мысли и мечты

Летел я к мести.

ПРИЗРАК. Ждал я этих слов.

Но ты б осокой был, гниющей в тине

Летейских вод, когда б не запылал.

Так слушай, сын мой. Был распущен слух,

Что я дремал в саду и от укуса

Змеиноного скончался. Мой народ

Неправдою преступно оскорбили.

Но знай, мой милый Гамлет, что змея,

Ужалившая твоего отца,

Вползла на трон его.

ГАМЛЕТ. Я это знал!

Я чувствовал! Мой дядя!

ПРИЗРАК. Да, мой брат.

Кровосмеситель, похотливый скот,

Игрою извращенного ума,
Способного любого развратить, —
Ужасен ум в способности такой! —
Умело совративший королеву,
Мою притворно-верную жену.
Как низка пала, Гамлет, мать твоя!
Низвергнуться с высот моей любви,
Сопутствовавшей брачному обету,
Что я хранил до гроба, – и ласкать
Природой обделенного подонка,
Бездарного в сравнении со мной.
Но как не пошатнется чистота,
Хоть в херувима вырядись порок,
Так блуду и небесные улады
И ангел во плоти надоедят —
И в грязь нырнуть захочется. Но тише!
Повеяло дыханием зари.
Потороплюсь. В тот злополучный день,
Когда дремал я в парке королевском,
Меня подкараулил дядя твой
С пробиркой, полной сока белены,
И влил мне в ухо пагубный раствор,
Несовместимый с кровью человека,
Врывающийся с быстротою ртути
В естественный телесный лабиринт
И превращающий живую кровь
В какое-то подобье творога.
Примерно так от капли кислоты
Горячее скисает молоко.

Со мною то же самое случилось.
Молниеносно, с головы до ног
Зудящею и гнойною экземой
Я, как проказой Лазарь, был изрыт.
Так у родного брата брат родной
Похитил жизнь, супругу и престол.
Я был убит в соцветии грехов,
Под корень срезан, вызван на допрос,
Не рассчитавшись с жизнью, без причастья,
Без исповеди, без духовника,
С душою неочищенной. О ужас!
О ужас, ужас! Если ты мне сын,
Потатчиком не будь, не позволяй
Греховной смесью блуда и инцеста
Позорить ложе датских королей.
Но помни: что бы ни предпринял ты,
Не трогай мать ни словом, ни поступком.
Пуškai ее карают небеса
И колют в сердце острые шипы.
Но мне пора обратно. Светляки,
Суля зарю, тускнеют на глазах.
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Земля и небо! Что еще? Геенна?
Проклятие! Ровнее, сердце, бейся!
Налейся, тело, силой, не дрожи! —
О бедный призрак, помнись о тебе?

Пока не лопнул шар мой на плечах,
Пока не вытек мозг, – не позабуду!
Я со скрижалей памяти сведу
Чужие мысли, пошлые признанья,
Пустые анекдоты прошлых дней,
И весь свой мозг, очищенный от дряни,
От корки и до корки испишу
Твоими заповедными словами.
Свидетель небо мне! – Какая шлюха!
Какой подлец! Подлец из подлецов!
Смеющийся подлец! Где мой дневник?
Запишем, что смеются подлецы,
Смеются, оставаясь подлецами!
Где-где, а в Дании – наверняка.

(Пишет.)

Записано! Отныне мой девиз:

«Прощай, прощай! И помни обо мне!»

ГОРАЦИО *(за сценой)*. Милорд! Милорд! Вы где?

МАРЦЕЛЛ *(за сценой)*. Вы живы, принц?

ГОРАЦИО *(за сценой)*. Откликнитесь, милорд!

ГАМЛЕТ. Я слово дал!

ГОРАЦИО *(за сценой)*. Ого-го-го, милорд!

ГАМЛЕТ. Ого-го-го!

Ко мне летите, соколы мои!

Входят ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ.

МАРЦЕЛЛ. Что с вами, принц?

ГОРАЦИО. Что это было?

ГАМЛЕТ. Чудо!

ГОРАЦИО. Какое, принц?

ГАМЛЕТ. А вы не развоните?

ГОРАЦИО. Милорд, я буду нем.

МАРЦЕЛЛ. И я, милорд.

ГАМЛЕТ. Ну ладно. Мог ли я предположить...

Так будете молчать?

ГОРАЦИО и МАРЦЕЛЛ. Клянемся небом!

ГАМЛЕТ. Вы не найдете в Дании мерзавца...

Чтоб сущим проходимцем не был он.

ГОРАЦИО. Была охота духу приходить

С подобной вестью.

ГАМЛЕТ. Совершенно верно!

На этом, без дальнейших церемоний,

Мы с вами и простимся. Вы вернетесь

К отложенным делам ли, развлеченьям —

У всех есть развлечение или дело, —

А мне придется, бедному, усердно

Поклоны бить.

ГОРАЦИО. Но это просто бред.

ГАМЛЕТ. Прошу прощенья, если этот бред

Вас оскорбил.

ГОРАЦИО. Нет в этом оскорбленья.

ГАМЛЕТ. Святой Патрик! Не то что оскорбленье,

Но даже преступленье в этом есть.

Скажу одно, чтоб прекратить расспросы:

Я верю духу — и на этом все.

Теперь, друзья, – ведь вы мои друзья:

И ты, студент, и ты, солдат, – прошу вас...

ГОРАЦИО. О чем же?

ГАМЛЕТ. Об увиденном – ни слова.

ГОРАЦИО. Клянусь молчать.

МАРЦЕЛЛ. И я молчать клянусь.

ГАМЛЕТ. Не так, – на шпаге.

МАРЦЕЛЛ. Мы уже клялись.

ГАМЛЕТ. На шпаге, повторяю вам.

ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!

ГАМЛЕТ. И ты, дружок, так думаешь? Слыхали?

Не спорьте с ним. Уж он-то честный малый.

Клянитесь, говорю.

ГОРАЦИО. Но чем, милорд?

ГАМЛЕТ. Молчать о том, что видели вы нынче,

Клянитесь шпагою моею!

ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!

ГАМЛЕТ. *Hic et ubique?* – Здесь он и везде? —

Сойдемте вниз. И, прикоснувшись к шпаге,

Молчать о том, что слышали вы нынче,

Клянитесь шпагою моею!

ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!

ГАМЛЕТ. Ну, старый крот, всю землю перерыл!

Лихой минер. Но все же отойдем.

ГОРАЦИО. О день и ночь! О странные дела!

ГАМЛЕТ. И чти их, словно странников, дружище.

На свете предостаточно вещей,

Неясных для схоластики твоей.

Но не об этом речь. Друзья мои,

Вновь поклянитесь милостью небес, —
Чего б я необычного ни сделал:
Прикинулся, допустим, дураком
Иль кем еще, – меня не выдавать
Ни мимикой, ни жестом, ни улыбкой,
Ни глупой фразой, например, такой:
«Уж нам-то ясно...», «Знаем, да не скажем...»,
«Будь наша воля...», «Если захотим...»;
Да и других сомнительных поступков
Не совершать, показывая всем,
Что знаете вы нечто обо мне.

Клянитесь милосердием Господним!

ПРИЗРАК (*из-под сцены*). Клянитесь!

ГАМЛЕТ. Угомонись, неугомонный дух!

Итак, друзья, доверился я вам,
Любви и дружбе вашей доверяя.
Когда-нибудь, Бог даст, и я, злосчастный,
Вам тем же отплачу. Друзья, идемте.
И повторяю: губы на замок.
Свихнулся век. Проклятье! Ужас в том,
Что мне придется быть его врачом.
Идемте, господа.

(*Уходят.*)

Акт второй. Сцена первая

Комната в доме Полония.

Входят ПОЛОНИЙ и РЕЙНАЛЬДО.

ПОЛОНИЙ. Рейнальдо, эти деньги и письмо
Ты отвезешь ему.

РЕЙНАЛЬДО. Понятно, сэр.

ПОЛОНИЙ. Но вот неплохо было бы сперва
Порасспросить людей, чем дышит он.

РЕЙНАЛЬДО. Я так и собирался поступить.

ПОЛОНИЙ. И превосходно! Справки наведи
В Париже о датчанах благородных.

Мол, кто да кто, кем приняты и как,

Шикуют, нет ли. И удостоверюсь

Окольную дорогой, что они

Наслышаны о сыне, приступай,

Но не впрямую, а исподтишка.

«Я знаю, мол, отца его, друзей

Да и его, и кое-что о нем».

Рейнальдо, ясно?

РЕЙНАЛЬДО. Да, милорд, как день.

ПОЛОНИЙ. «И кое-что о нем, хотя не все.

Но достоверно то, что лоботряс,

И редкостный причем». Болтать болтай,

Но так, чтоб честь его не пострадала.

Ты с этим не шути. Мол, то да се,
Весьма обыкновенные грешки
Для юноши, попавшего в Париж.

РЕЙНАЛЬДО. Быть может, карты?

ПОЛОНИЙ. Именно, дружок.

Пирушки, потасовки, потаскушки...

А впрочем, ты все знаешь без меня.

РЕЙНАЛЬДО. Милорд, а я ему не наврежу?

ПОЛОНИЙ. Нет, ложь твоя вреда не принесет.

Не говори, что грешник он отпетый.

Не это нужно. Выходки его

Ты как-нибудь иначе истолкуй:

Воздействием негданной свободы,

Чудачествами, пылкостью натуры,

Бурленьем раззадоренных страстей —

Что свойственно любому.

РЕЙНАЛЬДО. Но, милорд...

ПОЛОНИЙ. Ты хочешь знать, на что мне это нужно?

РЕЙНАЛЬДО. Да, если можно.

ПОЛОНИЙ. Вот в чем соль, дружок.

Когда слегка ты сына замараешь,

Как пачкают салфетки за едой, —

Твой визави тобою вызван будет

На откровенность. Если знает он,

Что юноша замешан кое в чем,

То подтвердит все наши опасенья,

Ответив: «сэр», «милорд» иль «господин»,

В зависимости от того, к каким

Он формам обращения привык.

РЕЙНАЛЬДО. Милорд, я понял.

ПОЛОНИЙ. А потом... потом...

Он это самое... он того... Что же я хотел сказать? Я же, клянусь Богом, хотел сказать что-то очень важное. На чем я остановился?

РЕЙНАЛЬДО. На «подтвердит все наши опасенья».

ПОЛОНИЙ. Что «подтвердит»? Какие «опасенья»?

Ах, «подтвердит»! Вот именно. Он скажет:

«Мне этот юноша давно знаком.

Тогда-то, там-то, с тем-то из друзей

Он проторчал за картами всю ночь.

Они там пили, после – подрались».

Или, допустим, так: «Я видел сам,

Как он ломился в непристойный дом,

А попросту – в бардак». Ты уловил?

Так истины сазан клюет на ложь.

А мы, не обделенные умом

И ловкостью, подходим спрехвала —

Хоть и не прямо – к правде прямиком.

Прошу тебя усвоить мой урок

И применить на практике. Дошло?

РЕЙНАЛЬДО. Конечно, сэръ.

ПОЛОНИЙ. Храни тебя Господь.

РЕЙНАЛЬДО. Благодарю, мой добрый господин.

ПОЛОНИЙ. Ты приглядишься к наклонностям его.

РЕЙНАЛЬДО. Все сделаю, милорд, не беспокойтесь.

ПОЛОНИЙ. Пускай резвится.

РЕЙНАЛЬДО. Хорошо.
ПОЛОНИЙ. Ступай.

(РЕЙНАЛЬДО *уходит.*)

Входит ОФЕЛИЯ.

Ну, что еще, Офелия, стряслось?

ОФЕЛИЯ. Отец, о как меня он испугал!

ПОЛОНИЙ. Господь с тобою! Кто посмел?

ОФЕЛИЯ. Принц Гамлет.

Я вышивала в комнате своей.

Вдруг входит: непокрыта голова,

Костюм изорван, грязные чулки

На щиколотках, словно кандалы;

Так жалко и бессмысленно глядит,

Как будто вырвался из преисподней

О мучениках ада рассказать.

ПОЛОНИЙ. Свихнулся от любви?

ОФЕЛИЯ. Боюсь, что да.

ПОЛОНИЙ. Он что-нибудь сказал?

ОФЕЛИЯ. Нет, сжал мне руку,

Назад шагнул, держа ее в своей,

Другую козырьком ко лбу приставил,

В глаза мне глянул и окаменел,

Как будто бы в себя мои черты

Вобрать пытался взглядом. Постоял,

Взмахнул рукою, выпустил мою,

Печально головою покачал

И так вздохнул ужасно, что, казалось,
На следующий вздох ему не хватит
Телесных сил. И как-то странно, боком,
Вслепую путь обратный находя,
Стал понемногу пятиться назад.
И так же, боком, вышел за порог,
Сверканьем глаз меня заворожив.

ПОЛОНИЙ. Пойдем и все расскажем королю.

У Гамлета любовная горячка,
Способная любого довести
До безрассудств – и до самоубийства!
Хотя и от других земных страстей
Не меньше зла. Ты с ним была строга?
Досадно! Ты, видать, перестаралась.

ОФЕЛИЯ. Да нет, но я, по вашему приказу,

С ним не встречалась, письма от него
Велела отсылать.

ПОЛОНИЙ. И он рехнулся.

Как жаль, что я его не раскусил.
Считал, тебя обидит он, повеса.
К чертям все подозрения! О небо!
Избыток рассудительности так же
Мешает старым людям, как вредит
Нехватка здравомыслия юнцам.
Офелия, живет к королю.
Рискованно скрывать от королей
Любовь их титулованных детей.
Офелия, идем.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена вторая

Комната в замке.

Трубы. Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦ, ГИЛЬДЕНСТЕРН *и* СВИТА.

КОРОЛЬ. Мы рады, Розенкранц и Гильденстерн,
Не только потому, что видим вас,
Но и в надежде помощь получить.
Вы, вероятно, знаете уже
О перемене, происшедшей с принцем?
На самого себя он не похож
Ни в мыслях, ни тем более в поступках.
Но чем, как не кончиною отца
Он потрясен до умопомраченья,
Никто не знает. Мы вас умоляем,
Поскольку вы воспитывались с ним
И в юности дружили, и постигли
Его привычки, соблаговолите
Пожить немного здесь и попытаться,
Общаясь с ним, его растормошить
И, если повезет, то разузнать,
Чем болен он, и средство подсказать
Для излеченья принца.

КОРОЛЕВА. Господа,
Он спрашивал о вас неоднократно.

Нет, кроме вас, людей, к которым он
Еще равнодушен. Если вы
Согласны нам услугу оказать
И, забыв о собственных делах,
Намерения наши воплотить,
То можете рассчитывать на милость,
Присущую монархам.

РОЗЕНКРАНЦ. Вашу волю,

Священную для нас, мы почитаем
Скорее приказанием, чем просьбой.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы рады услужить вам, наше рвенье
Коленопреклоненно полагая
К подножью королевского престола.

КОРОЛЬ. Благодарим вас, милый Розенкранц
И Гильденстерн.

КОРОЛЕВА. И мы благодарим

Вас, милый Гильденстерн и Розенкранц.
Поговорите с Гамлетом немедля.
Вам будет нелегко его узнать.

Вас к принцу проведут. – Эй, кто-нибудь!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Пускай приезд наш волею небес
Пойдет ему на пользу.

КОРОЛЕВА. Дай-то Бог!

(РОЗЕНКРАНЦ, ГИЛЬДЕНСТЕРН и КОЕ-КТО из СВИ-
ТЫ *уходят*.)

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Посланцы из Норвегии вернулись

С отменными вестями, государь.

КОРОЛЬ. Что ж, ты – отец приятных новостей.

ПОЛОНИЙ. Еще бы нет, мой добрый государь!

Считаю долгом всей душой служить,

Как Богу, властелину моему.

И полагаю – иль мои мозги

Утратили способность нападать

На след интриги, – я установил,

Из-за чего принц Гамлет заболел.

КОРОЛЬ. Не может быть! Рассказывай скорей.

ПОЛОНИЙ. На первое – послы; мои догадки,

Как фрукты за обедом, – на десерт.

КОРОЛЬ. Ты сам введи послов: им будет лестно.

(ПОЛОНИЙ *уходит.*)

КОРОЛЬ. Клянется он, голубка, что узнал,

Причину умопомраченья принца.

КОРОЛЕВА. Ручаюсь я, что это смерть отца

Да новое замужество мое.

КОРОЛЬ. Весьма возможно.

Возвращается ПОЛОНИЙ *с* ВОЛЬТИМАНДОМ *и* КОР-
НЕЛИЕМ.

Добрый день, друзья.

Как, Вольтиманд, живет наш брат Норвежец?

ВОЛЬТИМАНД. Отлично, и того желает вам.

Прочтя письмо, он тотчас прекратил
Вербовку войск, которую племянник
Походом на Поляка объяснял,
А оказалось, начал для того,
Чтоб с вашею особой воевать.
Норвежец, раздосадованный тем,
Что провели, как мальчика, его,
Бессильного больного старика, —
Немедленно племянника призвал.
Тот прибыл и, упреки принимая,
Дал слово чести больше не пытаться
Идти на вас с оружием в руках.
От счастья старец выделил ему
В год около трех тысяч крон дохода
И предложил не мешкая напасть —
Поскольку в сборе армия – на Польшу.
А вот письмо (*подает бумагу*), в котором он вас просит
Позволить беспрепятственно пройти
По вашей территории полкам,
И меры безопасности принять
При этом обязуется.

КОРОЛЬ. Отлично!

Мы, для раздумья время улучив,
Прочтем, рассмотрим и дадим ответ.
Вы славно поработали, спасибо.
Ступайте спать, а ночью приходите:
Отметим ваш успех.

(ВОЛЬТИМАНД и КОРНЕЛИЙ *уходят.*)

ПОЛОНИЙ. Тут все в порядке.

Мой государь, сударыня, кивать
На власть, на долг, на то, что день есть день,
Ночь – ночь, а время – время, – это, значит,
И день, и ночь, и время убивать.
И, если риторичность – мишура,
А краткость – дух ума, скажу короче:
Ваш сын лишен ума; я повторяю:
Лишен ума – ведь он умалишенный,
Поэтому ума он и лишен.
Так вот...

КОРОЛЕВА. Оставьте шутки, ближе к делу.

ПОЛОНИЙ. Сударыня, клянусь, мне не до шуток.

Он сумасшедший, верно? Очень жаль;
И верно то, что жаль; и жаль, что очень.
Неважный силлогизм. Но шутки прочь.
Итак, он сумасшедший. Хорошо.
В чем существо изложенного дела?
Точней сказать, в чем существо пробела —
Ведь в деле есть пробел по существу?
Итог: пришли к тому, откуда вышли.
Но оцените то,
Что дочь моя, – а я имею дочь,
Красивую и скромную на редкость, —
Вручила мне, – а там решайте сами.

(Читает письмо.)

«Небесной, ангелу моих грез, распрекрасной Офелии». Как он ужасно выражается, просто отвратительно: «распрекрасной» – отвратительное выражение. Но слушайте, слушайте. (*Читает.*) «На ее ослепительно белую грудь...» и далее в том же духе.

КОРОЛЕВА. От Гамлета письмо?

ПОЛОНИЙ. Повремените,

Сударыня, позвольте мне окончить.

(*Читает.*)

«Не верь, что солнце светит,

Что звезды выйдут вновь,

Что правда есть на свете,

А верь в мою любовь.

О дорогая Офелия, меня самого воротит от таких стихов. Я не поэт и втискивать в размеры собственные вздохи, к сожалению, не умею. Поверь хотя бы тому, моя прекрасная, нет, более чем прекрасная, что я тебя люблю. Навеки твой, госпожа моя, по крайней мере, до тех пор, пока механизм моего тела в моем распоряжении. Гамлет».

Еще не все. От дочери послушной

Узнал я место, время и слова,

В каких ее любви он домогался.

КОРОЛЬ. Как отнеслась она к его признаньям?

ПОЛОНИЙ. Кто я такой, как думаете вы?

КОРОЛЬ. Порядочный и умный господин.

ПОЛОНИЙ. Спасибо, коли так. А кем я стал бы,

Когда бы проглядел ростки любви, —

А я, сказать по правде, и без дочки

О многом догадался, — кем я стал бы

Пред вами, королева и король,

Когда бы в письмоносца превратился

Или ослеп, оглох и онемел?

Или взирал на эту страсть бесстрастно?

Кем бы я стал? Нет, я, без лишних слов,

Так дочери сказал: «Принц Гамлет — принц.

Его звезде с твоею не сойтись.

Забудь о нем». А также наказал

От Гамлета подалее держаться,

Посыльных и посланья отсылать.

Моя забота принесла плоды:

Он получил отказ, — я закругляюсь, —

И захандрил, забыл еду и сон,

Затем ослаб, раскис и наконец

Сошел с ума, своим безумным бредом

Пугая окружающих людей.

КОРОЛЬ. Вы верите?

КОРОЛЕВА. Приходится, милорд.

ПОЛОНИЙ. Припомните, сказал ли я хоть раз

«Вот это так», а вышло бы не так?

КОРОЛЬ. Такого не бывало никогда.

ПОЛОНИЙ (*показывая на свои плечи и голову*). Скорее это с этого слетит,

Чем я солгу. С везением моим

Достану правду вам из-под земли.

КОРОЛЬ. Как это доказать?

ПОЛОНИЙ. Понаблюдать

За принцем. Ходит он по галерее

Порой часами.

КОРОЛЕВА. Ну и что?

ПОЛОНИЙ. К нему

Я в это время дочку подпущу,

А мы на них посмотрим из-за шторы.

И если принц Офелию не любит

И не из-за нее угас умом,

То не советник я при короле,

А сельский водовоз.

КОРОЛЬ. Договорились.

КОРОЛЕВА. А вот и он, мой бедный мальчик, с книгой.

ПОЛОНИЙ. Идите, умоляю вас, идите.

Я с ним поговорю.

(КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА и СВИТА уходят.)

Входит ГАМЛЕТ, читая.

Прошу прощенья,

Как ваше самочувствие, милорд?

ГАМЛЕТ. Вашими молитвами.

ПОЛОНИЙ. Вы знаете, кто я, милорд?

ГАМЛЕТ. А как же. Вы – рыботорговец.

ПОЛОНИЙ. Нет, милорд, я рыбой не торгую.

ГАМЛЕТ. Жаль. Может быть, тогда вы перестали бы торговать честью.

ПОЛОНИЙ. Честью, милорд?

ГАМЛЕТ. Именно, сэ. Видите ли, в этом мире на стадо из десяти тысяч голов приходится всего лишь одна честная овца.

ПОЛОНИЙ. Как это верно, милорд!

ГАМЛЕТ. Само солнце жадно ласкает падаль – вот вам и черви в дохлятине... У вас есть дочь?

ПОЛОНИЙ. Да, милорд.

ГАМЛЕТ. Не держите ее на солнце. Ей, конечно, нужно еще созреть, но то, что у нее может вызреть... Смотрите, дружище.

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Что я говорил? Так и норовит перевести разговор на Офелию. А сперва меня не признал: ты, говорит, рыботорговец, надо же. Далеко зашел, дальше некуда. Впрочем, я и сам в юности чуть до ручки не дошел из-за любви. Все мы в этом смысле одинаковы. Ладно, подойдем с другого бока. – Что вы читаете, милорд?

ГАМЛЕТ. Слова, слова, слова.

ПОЛОНИЙ. И что в них говорится?

ГАМЛЕТ. Относительно чего?

ПОЛОНИЙ. Я хотел спросить: что говорит автор книги?

ГАМЛЕТ. Клевещет, сэ. По словам этого саркастично-

го шута, у стариков бороды седые, лица изрезаны морщинами, а глаза гноятся; кроме того, старики, мол, обладают переизбытком скудоумия благодаря рыхлости задниц. Это убедительно, но, на мой взгляд, надо быть большим подлецом, чтобы распространяться о таких вещах. И вы, сэръ, со временем одряхлеете, как и я, если станете пятиться раком.

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Если это и безумие, то своя логика в нем есть. – Не уйти ли нам со сквозняка, милорд?

ГАМЛЕТ. Куда? В могилу?

ПОЛОНИЙ. Верно, там не сквозит. (*В сторону.*) Безумный, а как умно порой отвечает. Нечаянное благо умалишенного, которого зачастую лишены мыслящие здраво. Остается только обмозговать, каким образом свести его с Офелией. – Мой благородный принц, покорнейше прошу отпустить меня.

ГАМЛЕТ. Что-что, а эту вашу просьбу я удовлетворю с величайшей радостью. Но почему вы не догадались выпросить у меня мою жизнь?.. мою жизнь... мою жизнь...

ПОЛОНИЙ. Всяческих вам благ, милорд.

ГАМЛЕТ. Как нудны эти старые шуты!

Входят РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.

ПОЛОНИЙ. Вы к Гамлету? Прошу.

РОЗЕНКРАНЦ (ПОЛОНИЮ). Храни вас Бог!

(ПОЛОНИЙ *уходит.*)

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милейший принц!

РОЗЕНКРАНЦ. Высокочтимый принц!

ГАМЛЕТ. Друзья мои любимые, вот встреча!

Вы ль это, Розенкранц и Гильденстерн?

Рассказывайте быстро, как живете.

РОЗЕНКРАНЦ. Как рядовые жители земли.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Избыток счастья, к счастью, не про нас.

Не пуговицы мы с колпака судьбы.

ГАМЛЕТ. Но и не каблуки на башмаках?

РОЗЕНКРАНЦ. Ни то, ни се, милорд.

ГАМЛЕТ. Неужели вы располагаетесь рядом с ее корсажем, а может быть за... в самом центре прелестей судьбы?

РОЗЕНКРАНЦ. Верно, мы с ней в последнее время сблизились.

ГАМЛЕТ. Иными словами, вы с ней сожительствуете? Хотя это еще та стерва. Что нового на свете?

РОЗЕНКРАНЦ. Ничего, милорд, если не считать того, что на свет вышли ростки справедливости.

ГАМЛЕТ. Стало быть, на носу светопреставление. Но – навряд ли. Впрочем, объяснитесь. Что справедливого, например, в том, что ваша хваленая судьба сгоняет вас со света прямо в тюрьму?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. То есть как, милорд?

ГАМЛЕТ. Дания – тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦ. Выходит, и весь мир – тюрьма.

ГАМЛЕТ. Причем идеальная, со множеством камер, застенков и темниц. Но Дания – мрачнее прочих.

РОЗЕНКРАНЦ. Нам так не кажется, принц.

ГАМЛЕТ. Как вам будет угодно. Ничто не может быть хорошим или плохим вне нашего сознания. Мне кажется, я сижу в тюрьме.

РОЗЕНКРАНЦ. Вы грезите о славе, милорд, а Дания слишком мала для осуществления ваших замыслов.

ГАМЛЕТ. О Боже! Да я и в ореховой скорлупе чувствовал бы себя властелином вселенной, не будь у меня тяжелых снов.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. В которых и проявляется ваше тщеславие. Ведь оно, в сущности, является тенью сна.

ГАМЛЕТ. Но ведь сущность сна – это, если хотите, тоже тень.

РОЗЕНКРАНЦ. Согласен. Но тщеславие, по-моему, более невесомая и призрачная субстанция: тень тени, и только.

ГАМЛЕТ. Исходя из ваших слов, телесны только нищие и бродяги, а короли и полководцы являются их тенями. Так, что ли? Но нас, наверное, уже заждались при дворе. Пойдемте, а? От нашего спора у меня разболелась голова.

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы рады вам служить.

ГАМЛЕТ. А вот этого не надо. Слуг у меня хватает и без

вас, причем они – поверите ли? – в последнее время подозрительно внимательны к моей особе. Но, между нами, что привело вас в Эльсинор?

РОЗЕНКРАНЦ. Желание повидать вас, милорд. Что же еще?

ГАМЛЕТ. Бедняк вроде меня не в состоянии вас даже поблагодарить. Но хотя благодарности моей грош цена, я вам все-таки благодарен. Вас не приглашали? Вы и впрямь по мне соскучились? Вы приехали сами по себе? Давайте поживей. Только откровенно. Я жду. Да говорите же в конце концов!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Что именно, милорд?

ГАМЛЕТ. Почему я знаю? Наверное, правду. Вас пригласили, да? Ваши глаза освещены признанием, и его не может притушить ваша скромность. Я все знаю: добрые король и королева пригласили вас.

РОЗЕНКРАНЦ. На что мы им нужны, милорд?

ГАМЛЕТ. Это я и хотел бы выяснить у вас. Умоляю, вспомните наше старинное братство, уверения юности, заповеди проверенной дружбы или более святые понятия, к которым порой прибегают опытные законники, – и не кривите душой. Вас пригласили? Да или нет?

РОЗЕНКРАНЦ (ГИЛЬДЕНСТЕРНУ). Что будем делать?

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Кажется, попал. – Если я вам по-прежнему дорог, скажите правду.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милорд, нас пригласили.

ГАМЛЕТ. Берусь дать соответствующие объяснения. Благодаря моим догадкам, вы не разгласите государственной тайны, и ваше умение хранить ее не будет ощипано. С некоторых пор я, по неизвестным причинам, лишился присущего мне жизнелюбия, отказался от повседневных занятий и впал в такое угнетенное состояние, что наша планета – этот рай земной – кажется мне островом смерти; а воздух – этот хрустальный храм под сенью лучезарного небосвода, этот грандиозный купол, инкрустированный золотыми стрелами, – представляется мне – верите ли? – омерзительным сгустком зловонного тумана. А вершина мироздания – человек! Одухотворенный и талантливый! Пропорциональный в сложении и непринужденный в движении! Поведением напоминающий ангела, мышлением – Бога! Самое прекрасное и образцовое животное во вселенной! А какое мне дело до этой квинтэссенции праха! Мужчины мне ненавистны, женщины – тем более. Это так, несмотря на ваши двусмысленные улыбки.

РОЗЕНКРАНЦ. Я бы не дерзнул и мысленно оскорбить вас.

ГАМЛЕТ. Тогда чему вы улыбнулись?

РОЗЕНКРАНЦ. Я представил, милорд, как, при вашей ненависти к мужчинам, несолоно хлебнут у вас актеры. Мы опередили их по дороге к замку. Они торопятся показать вам свое искусство.

ГАМЛЕТ. Мое почтение актеру-королю: его величество

получит по заслугам; любовник, намучавшись, добьется желаемого; проstack под занавес обретет свое счастье; шут зарядит шутками тех, кто готов ни с того ни с сего разрядиться смехом; героиня облегчит душу, несмотря на ритмические сбои. Что это за актеры?

РОЗЕНКРАНЦ. Ваши хорошие знакомые: городские трагики.

ГАМЛЕТ. С какой стати они пустились в разъезды? Дома и слава, и доходы значительно выше.

РОЗЕНКРАНЦ. Полагаю, их погубили новые веяния.

ГАМЛЕТ. При мне спектакли этой труппы шли при полном аншлаге. Успех был просто оглушительный.

РОЗЕНКРАНЦ. Об этом теперь нет и помина. Скорее наоборот.

ГАМЛЕТ. Не понимаю. Может, они охрипли, все поголовно?

РОЗЕНКРАНЦ. Нет, они, как всегда, в форме. Но их теснит целый выводок неоперившихся молокососов, срывающих своими непотребными воплями бешеные овации. Детки ошалели от успеха и почем зря издеваются над публичными театрами – как они их называют, – так что обладатели рапир, запуганные гусиными перьями, не кажут туда и носа.

ГАМЛЕТ. Ничего себе дети! Откуда они взялись. Получают ли за свою работу? Как долго они намерены валять дурака? Пока не начнет ломаться голос? А если они станут профессиональными актерами – а ничего другого им не остав-

ся, – не проклянут ли они бессовестных писак, поощрявших их нападки на собственную судьбу?

РОЗЕНКРАНЦ. Право, и маленькие, и большие дров наломали порядочно. А публика без зазрения совести раздувает эту вражду. Доходило до того, что пьесы не делали сборов, если авторы в них не обкладывали друг друга.

ГАМЛЕТ. Невероятно!

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Да, кишки повыпускали многим.

ГАМЛЕТ. И мальчишки взяли верх?

РОЗЕНКРАНЦ. Верхом сели, милорд. И на Геркулеса – мало ему своей ноши.

ГАМЛЕТ. Но все это в порядке вещей. Возьмите тех, кто при жизни моего отца корчил рожи моему дяде, а теперь отваливает по двадцать, сорок, пятьдесят, а то и по сотне дукатов за портретики его величества короля Дании. Черт побери! Никакой философии не разобраться в подобной чертовщине.

(Трубы.)

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Наверное, пожаловали актеры.

ГАМЛЕТ. Господа, я счастлив снова увидиться с вами. Еще раз жму ваши руки. Атрибуты гостеприимства – учтивость и ритуальные приветствия. Подчинимся правилам, и тогда при виде моей, отчасти показной, предупредительности к актерам, вы не скажете, что их я принимаю радуш-

нее, чем вас. Итак, вы у меня в гостях. А мои родственники-родители в заблуждении.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Насчет чего, милорд?

ГАМЛЕТ. Я схожу с ума только при норд-норд-весте. Если дует с юга, я чувую разницу между соколом и стервятником.

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Приветствую вас, господа.

ГАМЛЕТ. Внимание, Розенкранц и Гильденстерн. Наострите уши. Перед вами великовозрастный младенец, который еще не вышел из пеленок.

РОЗЕНКРАНЦ. Или же снова в них очутился. Так сказать, впал в детство.

ГАМЛЕТ. Спорим, он нам поведает об актерах? – Я с вами согласен, сэръ, это было в понедельник утром.

ПОЛОНИЙ. Милорд, я должен вам кое-что сообщить.

ГАМЛЕТ. Я тоже. Однажды Росций, римский актер...

ПОЛОНИЙ. Вот и я об этом: в замке актеры, ваше высочество.

ГАМЛЕТ. Жужжи, пчела.

ПОЛОНИЙ. Клянусь честью, милорд.

ГАМЛЕТ. Актера два и два осла.

ПОЛОНИЙ. Лучшая труппа в мире. В репертуаре: трагедии, комедии, хроники, идиллии, исторические пасторали, пасторальные трагедии, трагические истории, хроникаль-

но-пасторальные трагикомедии. Сенека у них лишен помпезности, Плавт – пошлости. Им нет равных ни в классических, ни в современных пьесах.

ГАМЛЕТ. А теперь, Иеффай, судья израильский, признавайся, что за сокровище ты хранил?

ПОЛОНИЙ. Какое сокровище, милорд?

ГАМЛЕТ. А такое:

«И дочь-красавицу свою
Любил он больше жизни».

ПОЛОНИЙ (*в сторону*). Далась ему моя дочь!

ГАМЛЕТ. Чур, не увиливать, старый Иеффай!

ПОЛОНИЙ. Будь по-вашему: придется мне на старости лет стать Иеффаем – ведь у меня и впрямь есть любимица-дочь.

ГАМЛЕТ. Нет, по-нашему совсем не так.

ПОЛОНИЙ. А как, милорд?

ГАМЛЕТ. А вот как:

«Но рок вершил, что Бог решил»,

остальное старо, как мир:

«И как-то раз беда стряслась».

Начальные строки настолько исполнены благочестия, что

не имеет смысла петь всю балладу до конца. Зато, если ее сократить, можно будет скоротать время с новоприбывшими.

Входят четверо или пятеро АКТЕРОВ

Здравствуйте, господа актеры, здравствуйте. Я счастлив снова встретиться с вами. Приветствую вас, гости дорогие. Здорово, старина! Сколько ж мы не виделись, если ты явился в Эльсинор дразнить меня зарослями, которыми покрыто твое лицо? Ага, наша юная леди тоже здесь! Пресвятая Дева! Девочку в мое отсутствие подкинуло к небу чуть ли не на каблук. Боже правый! Неужели ее невинный голосок дребезжит, как разбитая монета? – Еще раз здравствуйте, господа актеры. И вот что мы сделаем: подобно егерям-французам, гоняющим все, что под руку попадется, проверим с ходу ваши способности. Прочтите-ка нам монолог, желательно трагический.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Какой именно, милейший принц?

ГАМЛЕТ. Постарайся вспомнить читанный тобой когда-то монолог из одной малоизвестной пьесы. Если ее и ставили, то не больше одного раза, да и то перед равнодушной публикой, не приученной к изысканным кушаньям. Мне же эта пьеса показалась превосходной, а знатоки не чета мне отмечали в ней хорошо продуманную композицию и простоту стиля. Правда, – добавляли они, вовсе не желая упрекнуть автора в безвкусице, – стихи несколько пресноваты, но из-за

отсутствия приправ они не стали менее сочны. Да, это была удачная вещь. Более всего мне там нравился монолог Энея, а именно те строки, в которых он рассказывает Дидоне о гибели Приама. Начинается он, – дай Бог память! – кажется, с Пирра. Погодите, погодите:

«Расвирепевший Пирр Гирканским зверем...»

Нет, не отсюда; вот:

«Расвирепевший Пирр, ведомый в бой
Намереньями, черными, как ночь,
Едва покинул конскую утробу,
Как тут же залил пурпурною краской
Доспехи вороненые свои.
Как он был страшен, тонущий в крови
Младенцев, матерей, отцов, чьи трупы,
Казалось, запекаются от жара
Горящих зданий, бойню озарявших.
Заляпан кровью, дымом закопчен
И выпучив карбункулы-глаза,
Приама ищет кровожадный Пирр...»
А дальше вы.

ПОЛОНИЙ. Я Господом клянусь, принц, мы заслушались! Какой темперамент! Какое мастерство!

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «И наконец находит. Увидав,

Что старец отбивается едва,
Что меч не держит дряхлая рука,
Несется Пирр к царю и не мечом, —
Движением стремительным своим
Сбивает безоружного Приама.
Не в силах этого перенести
Бездушные громады Илиона:
С ужасным шумом грузно оседает
Полусожженный храм. И цепенеет
Оглохший Пирр, застыв, как истукан,
И обо всем на свете позабыв;
И обнаженный меч в его руке
Над сединой Приама зависает,
Как бы увязнув в воздухе густом.
Но точно так же, как перед грозой
Покровы беспокойной тишины,
Надетые природой полумертвой,
Удар молниеносный в клочья рвет,
Разбив на части небо, – так и Пирр,
Очнувшись, мстительно напрягся и...
Ни разу молот мастера-Циклопа,
Сработавшего Марсовы доспехи,
Не ухался с неистовством таким
На наковальню, как залитый кровью
Меч Пирра на Приама.
Продажная Фортуна! Покарайте,
О боги-небожители, ее!
Переломайте спицы в колесе
И бросьте в преисподнюю ступицу,

Как демона с небес!»

ПОЛОНИЙ. По-моему, несколько длинновато.

ГАМЛЕТ. Это укоротят с вашей бородой заодно. – Не слушай его. Все, кроме разнузданных танцев и скабрёзных историй, его усыпляет. Продолжай, пожалуйста. Теперь давай о Гекубе.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «Кто б увидал
Средь улиц посрамленную царицу...»

ГАМЛЕТ. Что-что? «Посрамленную средь улиц»?!

ПОЛОНИЙ. Вам не нравится? А по-моему, неплохо.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. «О если бы кто видел, как она
Снует босая, пламя заливая
Горючими слезами; что венцом
Ей служит плат, а платьем – одеяло,
На лоно, изнуренное от родов,
Навитое впотьмах. Кто б это видел,
Тот ядом бы насыщенную речь
Обрушил на беспутную Фортуны.
А если бы присутствовали боги
При том, как Пирр у бедной на глазах
Четвертовал, злорадствуя, супруга,
И слышали ее утробный вой, —
Хоть дела нет им до людского горя, —
Померкли бы небесные глаза

В потоке слез, и боги б содрогнулись!»

ПОЛОНИЙ. Смотрите, на нем лица нет и на глазах слезы. Велите ему перестать, милорд.

ГАМЛЕТ. Ладно, закончишь в следующий раз. – Проследите, мой милый, чтобы актеров приняли как положено. Слышите? Давать им все, что ни спросят. Ибо они – воплощенная часть истории. Вы заработаете злую эпитафию по-смертно, если обидите их при жизни.

ПОЛОНИЙ. Милорд, они получают ровно столько, сколько заслуживают.

ГАМЛЕТ. Черт возьми, приятель! Несколько раз по столько! Кто из нас, получив заслуженное, унесет ноги? Похлопочите о них, как о самом себе. Чем меньше у них заслуг, тем больших почестей заслужит ваша доброта. Забирайте их.

ПОЛОНИЙ. Прошу вас, господа.

ГАМЛЕТ. Идите, друзья, идите. Пьесу мы послушаем завтра.

(ПОЛОНИЙ и все АКТЕРЫ, кроме ПЕРВОГО, уходят.)

Вот что, дружище, могли бы вы разыграть «Убийство Гонзаго»?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Безусловно, милорд.

ГАМЛЕТ. Подготовьте это к завтрашнему вечеру. А мож-

но мне вставить в текст двенадцать-шестнадцать строчек собственного сочинения?

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Пожалуйста, милорд.

ГАМЛЕТ. Вот и хорошо. Держись того господина, но не вздумай вышучивать его.

(ПЕРВЫЙ АКТЕР *уходит.*)

До вечера, милые друзья. Будьте как дома в Эльсиноре.
РОЗЕНКРАНЦ. Милейший принц.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *уходят.*)

ГАМЛЕТ. Прости им Бог! Насилу убрались.

Нет, видно я – подонок и холуй.

Чудовищно! но даже лицедей

Игрой воображаемого чувства

Сумел настолько воодушевиться,

Что побелел, глаза его набухли,

Взор помутился, голос задрожал

И каждое движенье отразило

Смятенье духа – но из-за чего?!

Из-за Гекубы!

Он и Гекуба – что они друг другу?

А он в слезах. А если бы, как я,

Имел он основанье бесноваться,

Что б он творил? Рыдал бы в три ручья,

Толпу безумной речью бичевал бы,

Сводя с ума, пугая, поучая
Виновных, невиновных и невинных?
И превратил бы их в глухонемых?
А я?
Тупой слюняй, расслабленно брожу,
Забыв себя, как сонная тетеря,
Словечком не вступлюсь за короля,
Чья безупречно доблестная жизнь
Пропала к черту. Может быть, я трус?
Кто хочет оскорбить меня? Ударить?
Взять за волосы? Плюнуть мне в лицо?
Дать по носу щелчка? Назвать меня
В глаза, при всех, лжецом? Кто хочет? А?
Я разрешаю, в очередь вставайте.
Наверно, печень голубя во мне,
В ней желчи нет – злодейство я терплю
И до сих пор шакалам не скормил
Труп этого мерзавца. Грязный скот!
Блудливый зверь! Бессовестный ублюдок!
Возмездие!
Нет, право, я осел! Что я за сын?
Ко мне взывает тот и этот свет:
«Воздай убийце милого отца!» —
А я тут опускаюсь до ругни
И самоутешаюсь словесами,
Как потаскуха или судомойка!
Позор! Вперед, мой разум! Я слышал,
Что самые отпетые злодеи,
Захваченные магией игры,

Порой душевной встряске подвергались
И каялись публично в преступленьях:
Убийство проболтается и молча.
Одну из сцен, в которой смерть отца
Предстанет зримо, дяде предъявив, —
Ланцетом-взглядом я его вспорю.
А вдруг меня лукавый искушал?
Вселиться мог он в образ дорогой.
К тому же, как на грех, моя душа,
От горя обессиленная, стала
Добычей легкою для сатаны.
Нет, должен быть источник повернее.
На завтрашний спектакль, как на живца,
Поймаю совесть дяди-подлеца.

(Уходит.)

Акт третий. Сцена первая

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНИЙ, ОФЕЛИЯ,
РОЗЕНКРАНЦ *и* ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ. Вам, стало быть, узнать не удалось,

Зачем он предается сумасбродствам

И превращает собственную жизнь

В небезопасный и кошмарный сон?

РОЗЕНКРАНЦ. Не хочет он, ссылаясь на недуг,

Распространяться о его причине.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Он, как лунатик, с легкостью минует

Ловушки наши, ловко обходя

Вопрос о самочувствии своем.

КОРОЛЕВА. А как он встретил вас?

РОЗЕНКРАНЦ. Как подобает.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Однако был при этом суховат.

КОРОЛЕВА. Быть может, он желает поразвлечься?

РОЗЕНКРАНЦ. Об этом-то, сударыня, и речь.

Случилось так, что по дороге к вам

Нагнали мы актеров. Их приезд,

По-моему, обрадовал милорда.

Он, как я понял, приказал актерам

Играть сегодня пьесу для него.

ПОЛОНИЙ. Я подтверждаю; более того,

Он просит короля и королеву

Послушать представление.

КОРОЛЬ. Охотно!

За Гамлета мы рады, если в нем

Вновь пробудились склонности к искусству.

Усердней раздувайте, господа,

Его порыв к подобным наслаждениям.

РОЗЕНКРАНЦ. Мы сделаем, что можем, государь.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

КОРОЛЬ. И ты, Гертруда милая, ступай.

Здесь будет принц с минуты на минуту.

И на него здесь якобы случайно

Офелия, гуляя, набредет.

А из укрытья мы с ее отцом —

Заправские шпионы-невидимки —

Увидим все. И по тому, как принц

С ней будет говорить, определим:

Любовью или, может, не любовью

Страдает он.

КОРОЛЕВА. Не стану вам мешать.

И если сын мой болен из-за вас,

То это было б счастьем, дорогая.

Вы, с вашей добродетелью, надеюсь,

Вернете принцу прежний образ жизни,

На радость вам двоим.

ОФЕЛИЯ. О, хорошо бы!

(КОРОЛЕВА *уходит.*)

ПОЛОНИЙ. Сюда прошу покорно, государь.

Офелия, прогуливайся здесь.

Вот книга. Сделай вид, что зачиталась

И никого не ждешь. Так поступать

Нечестно, дочь моя, но что поделать!

Прикинувшись святошею, и черта

Смирною личиной улестишь.

КОРОЛЬ (*в сторону*). О, до чего же этот дьявол прав!

Напудренные щеки потаскухи

Белее, чем деяния мои,

Осыпанные лживой болтовней.

О, тяжек крест!

ПОЛОНИЙ. А вот и наш больной.

(КОРОЛЬ *и* ПОЛОНИЙ *уходят.*)

Входит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Вопрос вопросов: быть или не быть?

Что благородней – славить провиденье

И подставлять его ударам грудь

Иль бой принять: шагнуть во всеоружье

В пучину зла? Уснуть навек. Уснуть —

И кончено. Поверить, что, уснув,

Избудешь сотни мук души и тела?

Да разве можно благом не считать

Финал такой? Уснуть. Навек уснуть.

И, значит, видеть сны? Вот где барьер!
Сомненье в том, что, сбросив пути жизни,
Мы будем сны загробные смотреть,
Удерживает нас на этом свете,
Пожизненные беды нам сулит.
И кто терпел бы пытки бытия:
Ярмо тирана, чванство самозванцев,
Боль от измены, канитель суда,
Чиновников продажность и пинки
Достойным людям в дар от негодяев, —
И не освободил бы сам себя
Ударом стали? Кто тянул бы лямку
Постылых лет, потея и скуля,
Когда бы страх проснуться после смерти
В неведомой стране, где пропадают
Паломники навек, не вынуждал
Предпочитать известную беду
Погоне за бедою неизвестной?
Так делаешься трусом – от ума,
Так дерзости румянец выцветает,
Изъеден бледной немочью мышленья,
А планы, грандиозные по цели
И важности, переменяя русло,
Расходятся с поступками. Но хватит!
Офелия, о нимфа, не забудь
Мои грехи в молитвах помянуть!

ОФЕЛИЯ. Как ваше самочувствие, милорд?

ГАМЛЕТ. Как никогда: здоров, здоров, здоров.

ОФЕЛИЯ. То, что вы мне на память подарили,

Я вам хочу вернуть. Возьмите, принц.

ГАМЛЕТ. Ошибка вышла: это был не я.

ОФЕЛИЯ. Прошу прощения, принц, подарки ваши,

Овеянные нежными речами,

Мне голову кружили и – вскружили.

Того благоуханья больше нет.

Дары для добродетели не в счет,

Когда изменит тот, кто их дает.

Берите же, милорд.

ГАМЛЕТ. Кто б мог подумать! Стало быть, мы добродетельны?

ОФЕЛИЯ. Милорд?

ГАМЛЕТ. И красивы?

ОФЕЛИЯ. Что это значит, ваше высочество?

ГАМЛЕТ. Видите ли, если мы и добродетельны и красивы, нам следует знать, что добродетель – плохая подруга для красоты.

ОФЕЛИЯ. Разве красота не должна дружить с добродетелью?

ГАМЛЕТ. Так-то оно так, но скорее чары красоты обезобразят добродетель, нежели образчики добродетели очаруют красоту. Этот давнишний парадокс с недавних пор стал общим местом. Кажется, я любил тебя.

ОФЕЛИЯ. Вы заставили меня в это поверить, принц.

ГАМЛЕТ. Я здесь ни при чем. Просто добродетель, привитая к стволу нашей исконной природы, не в силах отбиться

его подлинного запаха. Я не любил вас.

ОФЕЛИЯ. Значит я обманулась в своих надеждах.

ГАМЛЕТ. Шла бы ты в монастырь. Охота была множить новое поколение грешников. Даже я, человек более-менее честный, знаю за собой такое, что лучше бы мне и на свет не родиться. Я крайне высокомерен, мстителен, тщеславен. Меня соблазняет столько преступлений, что для их вынашивания, подготовки и осуществления мне не достанет ни силы, ни желания, ни возможности. И зачем это я и мне подобные деятели копошатся между небом и землей? Мы – отъявленные жулики, все поголовно. Не верь нам. Одна тебе дорога – в монастырь. Где твой отец?

ОФЕЛИЯ. Дома, милорд.

ГАМЛЕТ. Запри его, чтобы он мог валять дурака только в своих апартаментах. Ступай.

ОФЕЛИЯ. Благое небо, помоги ему!

ГАМЛЕТ. А на случай твоего замужества – вот тебе от меня проклятие вместо приданого: да не спасет тебя от сплетен ни лед невинности, ни снег чистоты. Иди в монастырь, и немедленно. Но если тебе все-таки хочется замуж, выбирай мужа из тех, кто поглупее. Ведь умные люди хорошо представляют себе, в каких скотов они превращаются благодаря вам. Одним словом, в монастырь. С Богом!

ОФЕЛИЯ. Спаси его, святая рать небес!

ГАМЛЕТ. С вашими художествами я тоже знаком. Вы и пританцовываете, и порхаете, и стрекочете, обзывая по-

всякому чуть ли не каждое создание Божье – лишь бы показательной добродетелью прикрыть свою распутную суть. Хватит! Мне это надоело! От этого я и сошел с ума. Не надейся на брак, их больше не будет. Да здравствуют все пары, кроме одной. А холостые – перебьются. Иди в монастырь. (*Уходит.*)

ОФЕЛИЯ. Какой был человек! Умом – философ,
Душою – воин, благородством – принц.
Оплот и гордость целого народа.
Кристалл заслуг, прообраз образца,
Верх совершенства – все пропало, все!
А я, бедняжка, давеча внимала
Медовой музыке его признаний —
И вдруг такой величественный ум
Визгливо зазвенел, как бубенец,
А молодости дивные черты
Безумье исказило. Выше сил
Знать, кто он нынче, зная, кем он был!

КОРОЛЬ и **ПОЛОНИЙ** *возвращаются.*

КОРОЛЬ. Любовь? Нет, не она его влечет.
Хоть речь его порою и сумбурна,
Он не безумец. В глубине души
От горя он вынашивает нечто,
Куда страшнее, чем на первый взгляд.
Чтоб это все в зародыше пресечь,

Мы так недолго думая велим:
Пусть в Англию он срочно уберется
И соберет оставшуюся дань.
Возможно море, перемена места
И впечатлений исцелят болезнь,
Что у него в душе укоренилась
И выбила его из колеи,
Заклинив мозг. По-вашему, я прав?

ПОЛОНИЙ. Конечно, да. Но все же, убежден,
Что истинный исток его тоски —
Отказ в любви. — Офелия, жива?
Молчи, нам было слышно хорошо. —
Вы правы, да, но что бы королеве,
Послушав пьесу, не поговорить
По-матерински с мальчиком своим,
А мне б их не послушать за ковром?
Уж если принц и ей не подчинится,
То воля ваша, можете его
Хоть в Англию отправить, хоть в тюрьму.
КОРОЛЬ. Да будет так! А принцу поделом:
Умалишенных держат под замком.

(Уходят.)

Акт третий. Сцена вторая

Зал в замке.

Входят ГАМЛЕТ и несколько АКТЕРОВ.

ГАМЛЕТ. Умоляю, читайте это, как я говорил: живо, но членораздельно. Будете вопить, как это у вас принято, я приглашу на ваше место городских герольдов. Не сучите руками, будьте умеренны в жестах. Среди водопада, шквала, если хотите, тайфуна страсти вы должны держать себя в руках благородства ради. Чувствуешь себя оплеванным, когда бесноватый малый, нахлобучив парик, разрывается на части, швыряя лохмотья страсти оглоушенному партеру, который воспринимает только немоту пантомимы и тарабарщину. Я бы порол актеров, пытающихся переплюнуть Терманта или переюродить Ирода. Чтобы у вас этого не было.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Этого не будет, ваше высочество.

ГАМЛЕТ. Ни к чему и чрезмерная сдержанность. Положитесь на свое чутье и старайтесь подкреплять слова движениями, движения – словами, и думать при этом только о том, как не оказаться за пределами жизненной правды. Любое излишество губительно для театра, который от века и поныне является зеркалом жизни, отражающим и сущность добродетели, и нутро порока, и вообще все сильные и слабые сто-

роны современности. Если тут перегнуть или не дожать, – это, конечно, заставит хохотать олухов, но не может не доставить огорчения знатоку, приговор которого – хотите вы этого или нет – перевесит восторги толпы. О, я видывал актеров, возвеличенных донельзя, с голосами и телодвижениями, несвойственными – Господи прости! – ни христианам, ни правоверным, ни даже мужчинам; кривляющиеся и блеющие, они казались мне изделиями некоего чернорабочего природы, к тому же недоделанными – настолько гадко пародировали они род людской.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Мы уже почти перестроились в этом отношении.

ГАМЛЕТ. Так перестройтесь окончательно! И пусть шуты у вас не выходят за рамки роли, то есть не смеются сами, причем в ключевых сценах спектакля, стараясь рассмешить самых непритязательных зрителей. Как омерзительно мелкое честолюбие глупцов, не гнушающихся таким низкопробным приемом. Идите и поторопитесь с подготовкой.

(**АКТЕРЫ** *уходят.*)

Входят **ПОЛОНИЙ, РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН.**

Итак, сэ, будет ли король слушать пьесу?

ПОЛОНИЙ. Вместе с королевой и немедленно.

ГАМЛЕТ. Передайте актерам, чтобы пошевеливались.

(ПОЛОНИЙ *уходит.*)

Не угодно ли вам помочь ему?

РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН. Как прикажете, милорд.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН *уходят.*)

ГАМЛЕТ. Горацио, сюда!

Входит ГОРАЦИО.

ГОРАЦИО. Иду, милорд!

Приказывайте.

ГАМЛЕТ. Изо всех людей,

С которыми судьба меня сводила,

Горацио, ты самый благородный.

ГОРАЦИО. Принц, вы мне льстите.

ГАМЛЕТ. Как ты мог подумать!

Нет у тебя сокровищ – ты живешь

Сокровищами духа своего.

Такому льстить – невыгодное дело.

К тельцу златому липнут языки

И на коленях ползают пред тем,

Кто платит подхалимам за труды.

С тех пор как мной душа моя владеет

И судит о достоинствах людей,

Твой образ в ней навек запечатлелся.
Страдая, ты в страдальцах не ходил
И сохранял спокойствие среди
Превратностей судьбы. Лишь тот блажен,
Кто, чувства обуздав умом, не станет
Свирелью петь по прихоти судьбы.
Кто от страстей ушел – мне по душе:
Я всей душою понимаю их,
Вбираю всей душой моей души —
И ты один из них. Однако – к делу.
Король сегодня будет слушать пьесу.
В ней сцена есть – внимательно смотри
И вспомнишь мой рассказ про смерть отца.
Едва к тому отрывку подойдут,
Сосредоточь внимание на дяде.
И если он и вправду согрешил,
А в тот момент и глазом не моргнет,
То в копоти фантазия моя,
Как печь Вулкана. В оба наблюдай.
И я его глазами пригвозжу.
А после впечатления свои
Обсудим и сравним.

ГОРАЦИО. Договорились.

И если он украдкой украдет —
За краденое мне пришлите счет.

ГАМЛЕТ. Сюда идут. Я снова притворюсь.

Сядь где-нибудь, чтоб видел я тебя.

Датский мари. Трубы. Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА,

ПОЛОНИЙ, РОЗЕНКРАНЦ, ГИЛЬДЕНСТЕРН, ЛОРДЫ
и СЛУГИ с факелами.

КОРОЛЬ. Как наш племянник чувствует себя?

ГАМЛЕТ. Право, лучше некуда. Как каплун, сидящий на диете хамелеона. Поглощаю воздух, фаршированный обещаниями.

КОРОЛЬ. Ответ не по адресу, сын мой. Я тут ни при чем.

ГАМЛЕТ. Тогда я ничего и не говорил, отец. (ПОЛОНИЮ.) Сэр, вы, кажется, играли в студенческие годы?

ПОЛОНИЙ. Да, милорд, и говорят, весьма неплохо.

ГАМЛЕТ. А в какой роли?

ПОЛОНИЙ. В роли Юлия Цезаря. Я пал в Сенате от руки Брута.

ГАМЛЕТ. Брут поступил довольно круто, убив такого знатного овна. – Что актеры?

ПОЛОНИЙ. Ждут вашего сигнала, милорд.

КОРОЛЕВА. Милый Гамлет, давай сядем вместе.

ГАМЛЕТ. Я бы рад, матушка, но мой компас указывает на другой полюс.

ПОЛОНИЙ (КОРОЛЮ). Слыхали? То-то же.

ГАМЛЕТ. Миледи позволит лечь к ней на колени. (*Ложится к ногам ОФЕЛИИ.*)

ОФЕЛИЯ. Нет-нет, милорд.

ГАМЛЕТ. То есть лечь к ней на колени головой?

ОФЕЛИЯ. Пожалуйста, милорд.

ГАМЛЕТ. Я что-нибудь не то сказал?

ОФЕЛИЯ. Только то, что вам угодно было сказать.

ГАМЛЕТ. Это отлично придумано – возлежать промеж девичьих ног.

ОФЕЛИЯ. Что-что, милорд?

ГАМЛЕТ. Ничего-ничего, миледи.

ОФЕЛИЯ. Я вижу, вам очень весело.

ГАМЛЕТ. Мне? Весело?

ОФЕЛИЯ. А разве нет, принц?

ГАМЛЕТ. О Господи! Прикажите – и я в пляс пушусь. Что, разве я не человек? Посмотрите: вот и матушка смеется, хотя после смерти отца не прошло и двух часов.

ОФЕЛИЯ. Нет, милорд, прошло дважды два месяца.

ГАМЛЕТ. В самом деле? Тогда долой траур – и пусть дьявол ходит в соболях. Надо же, умереть два месяца назад и все еще жить в памяти! Не исключено, что великого человека будут помнить в три раза дольше. Но, клянусь Богородицей, этому человеку следует заблаговременно позаботиться о церквах, не то его ждет эпитафия, как на могиле карнавального конька-горбунка: «О Боже, на века забыли скакунка!»

Играют гобои. Начинается пантомима.

Входят КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА, влюбленно беседуя. Она обнимает его, он – ее. Она встает на колени и клянется ему в верности. Он поднимает ее и кладет голову ей на плечо.

Потом ложится в цветущую траву и засыпает. Она уходит, чтобы ему не мешать. Вдруг входит ЧЕЛОВЕК, снимает с короля корону, целует ее, вливает яд в ухо спящему и уходит. КОРОЛЕВА возвращается, видит умершего супруга и изображает скорбь. Возвращается ОТРАВИТЕЛЬ с ПОДРУЧНЫМИ и деланно сокрушается вместе с ней. Труп короля уносят. ОТРАВИТЕЛЬ пытается подарками соблазнить КОРОЛЕВУ. Она сперва возмущается и кажется неприступной, но потом сдается. Уходят.

ОФЕЛИЯ. Что это такое, милорд?

ГАМЛЕТ. Тайнственное злодейство, а если точнее, убийство.

ОФЕЛИЯ. Видимо, нам показали вкратце сюжет пьесы?

Входит ПРОЛОГ.

ГАМЛЕТ. Слушайте внимательно актеров: они совершенно не умеют держать язык за зубами.

ОФЕЛИЯ. Этот актер растолкует показанную нам пантомиму?

ГАМЛЕТ. И пантомиму, и все, что вы рассудите за благо ему показать. Вы покажете ему – он растолкует вам. Только не стыдитесь показывать, а у него стыда нет и в помине.

ОФЕЛИЯ. Вы просто несносны. Все, я слушаю пьесу.

ПРОЛОГ. Мы вам поведаем сейчас
О смерти и любви рассказ.
Но не судите строго нас.

ГАМЛЕТ. Это пролог или девиз на гербе?

ОФЕЛИЯ. Да, для пролога коротковато.

ГАМЛЕТ. Не длиннее женской любви.

Входят ДВА АКТЕРА – КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Уж тридцать лет вседневно Аполлон
В карете огибает небосклон,
И три десятка дюжин тусклых лун
Увидели Теллура и Нептун,
С тех пор как наши руки и сердца
Под сенью Гименеева венца.

АКТЕР-КОРОЛЕВА. О, если бы любви взаимной срок
Для нас удвоил всемогущий рок.
Но, Боже мой, вы так сейчас больны,
Так утомляют вас дела страны,
Что страх за вас мою терзает грудь.
Но пусть вас это не гнетет ничуть.
Любовь и страх у женщины в крови.
Где нет его, не видно и любви.
Свою любовь я доказала вам,
Но страсть моя со страхом пополам.
Большой любви и вздор внушает страх:
Любовь и страх растут как на дрожжах.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Увы, пришла пора расстаться нам.

Я слабну не по дням, а по часам.

А ты живи, чаруя красотой,

Подлунный мир. И, может быть, другой

Супруг...

АКТЕР-КОРОЛЕВА. О замолчи! Быть мне в аду,

Когда другого мужа я найду!

Вторично в брак вступает только тот,

Кто первого супруга изведет.

ГАМЛЕТ (*в сторону*). Крапивою, крапивой по ушам!

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Второй союз не страстью освящен:

Своекорыстие его резон.

В гробу перевернется милый друг,

Когда ко мне войдет второй супруг.

АКТЕР-КОРОЛЬ. Не верить не могу твоим словам.

Но, право, не до слов порою нам.

Когда мы любим, клятвам грош цена:

Исчезло чувство – снизилась она.

Родятся клятвы в сумраке ночном

И сиротливо умирают днем.

Так падают набухшие весной

Плоды с ветвей осеннею порой.

И потому забвенью нам дано:

От клятв освобождает нас оно.

Чередованьем радостей и бед

Мечтанья наши сводятся на нет.

Переменяясь, радость и беда

Друг друга проникают без труда.

Но если так изменчив белый свет,

В любви и вовсе постоянства нет.
Вопрос открытый, кто кому раба:
Любовь – судьбе или любви – судьба.
Друзей не сыщет павший фаворит,
А новому и враг благоволит.
Каприз судьбы или игра страстей?
Кому-то нет покоя от друзей;
А кто-то в горе узнает о том,
Как лучший друг становится врагом.
Вот и выходит, что всесильный рок
Встает затеям нашим поперек.
Поскольку замышляется одно,
А делом стать другому суждено.
Так и тебе противен брак второй,
Пока не стала в первом ты вдовой.

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Ослепнуть мне, погибнуть без еды,
Томиться днем, ночами ждать беды;
Отчаясь, разувериться во всем
И в келье грех замаливать потом;
Все, от чего мертвеет счастья взор,
Носить в душе мечтам наперекор;
Стенать как в этой жизни, так и в той,
Когда супругом станет мне другой!

ГАМЛЕТ. Ох и надует же она его!

АКТЕР-КОРОЛЬ. Что ж, ты клялась. Но я так изнурен
Дневною суетой, что краткий сон
Не помешает мне. (*Засыпает.*)

АКТЕР-КОРОЛЕВА. Усни, родной.
И дай нам Бог не встретиться с бедой.

(Уходит.)

ГАМЛЕТ. Ваше впечатление от спектакля, миледи?

КОРОЛЕВА. На мой взгляд, эта госпожа преувеличивает свои возможности.

ГАМЛЕТ. О, эта госпожа сделает даже больше, чем может.

КОРОЛЬ. Вы знаете эту пьесу? Она пристойна?

ГАМЛЕТ. Вполне. Это шутка. Здесь, правда, отравляют, но шутя. Словом, пристойнее некуда.

КОРОЛЬ. Как, вы говорите, называется пьеса?

ГАМЛЕТ. «Мышеловка». Вы спросите, как это? Я отвечу: аллегорически. В свое время эта история наделала в Вене много шума. Это – герцог Гонзаго, это – его жена Баптиста. Дельце, сами увидите, довольно гнусное. Но нам-то что? Ни к вам, ваше величество, ни к нам, безгрешным, это отношения не имеет. Пусть кляча корячится, если у нее зудит холка, а на нас хомута нет.

Входит ЛУЦИАН.

Это вышел Луциан, племянник герцога.

ОФЕЛИЯ. Вы могли бы стать корифеем греческого хора, милорд.

ГАМЛЕТ. Я бы мог прокомментировать ваше любовное свидание с помощью этих марионеток, миледи.

ОФЕЛИЯ. Сколько в вас яда, милорд.

ГАМЛЕТ. Да, прежде чем мое жало его лишится, вы изрядно постонете.

ОФЕЛИЯ. Это наконец сверх всякой меры!

ГАМЛЕТ. Желая того же вашему будущему мужу. – Убийца, начинай, сифилисная твоя рожа! Перестань кривляться – и за дело. Как там у вас: «Пророчит смерть раскаркавшийся ворон!»

ЛУЦИАН. Он спит. Час пробил. Пуст притихший сад.

Ад в сердце, сила в мышцах, в склянке яд:

Отвар из трав Гекатовых, в три раза

Вреднее и заразнее проказы,

Чудовищною мощью колдовства

Смертельный для живого существа.

(Вливает яд в ухо СПЯЩЕМУ.)

ГАМЛЕТ. Этот Гонзаго на самом деле был отравлен в саду, а убийца овладел тронном. Эта чудесная итальянская хроника изложена великолепным итальянским языком. Смотрите: сейчас отравитель уломяет жену Гонзаго.

ОФЕЛИЯ. Король встает!

ГАМЛЕТ. Петарды испугался?

КОРОЛЕВА. Что с вами, государь?

ПОЛОНИЙ. Актеры, прочь!

КОРОЛЬ. Огня! Живей!

ВСЕ. Огня, огня, огня!

(Все, кроме ГАМЛЕТА и ГОРАЦИО, уходят.)

ГАМЛЕТ. Подранок-лань лежит в кустах,

Олень – бежит вперед.

Те – спят, а эти – на часах.

Так день за днем идет.

А что, сэръ, если к этому еще и шляпу с пером да пару стоптанных туфель с прованскими розами, то, обернись ко мне Фортуна турком, взяли бы меня в актеры?

ГОРАЦИО. На полставки.

ГАМЛЕТ. Нет, на полную.

Всходил Юпитер на престол,

Но вскоре умер он.

И вот на трон, мой друг Дамон,

Воссел большой... павлин.

ГОРАЦИО. А почему не в рифму, милорд?

ГАМЛЕТ. Милый Горацио, слова духа стоят тысячи фунтов! Ты уловил?

ГОРАЦИО. А как же, милорд.

ГАМЛЕТ. Когда играли отравление?

ГОРАЦИО. Если верить глазам.

ГАМЛЕТ. Ха-ха-ха-ха! Эй, музыку сюда!

Что ж, раз король утратил интерес
К одной из самых интересных пьес,
Ко мне, флейтисты! Музыка, греми!

РОЗЕНКРАНЦ *и* ГИЛЬДЕНСТЕРН *возвращаются.*

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милейший принц удостоит нас несколькими словами?

ГАМЛЕТ. Хоть целой историей, сэр.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Его величество, милорд...

ГАМЛЕТ. В самом деле, сэр, что это с ним?

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Они уединились в совершенном расстройстве.

ГАМЛЕТ. С расстройством желудка? Это, наверное, с перепоею.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Нет, милорд, скорее от желчи.

ГАМЛЕТ. Обратитесь к личному врачу его величества, это будет гораздо благоразумней. Моя микстура может сделать короля еще более желчным.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Прошу вас, милейший принц, держаться в своей речи некоторого стержня и не сторониться в каком-то испуге сути дела.

ГАМЛЕТ. Читайте, что вы меня стреножили. Излагайте.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Ваша огорченная до глубины души августейшая матушка поручила нам пойти к вашему высочеству...

ГАМЛЕТ. Я вас приветствую.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Простите, милейший принц, теперь не до этикета. Либо – если вы сообразоволяете дать нам нормальный ответ – мы выполняем просьбу вашей матушки, либо, с вашего разрешения, откланиваемся, и дело с концом.

ГАМЛЕТ. Не дам, сэра.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Чего, милорд?

ГАМЛЕТ. Нормального ответа, Ведь я, если помните, не совсем нормален. Вам, то есть моей матери, придется обойтись ненормальным ответом. Ну да ладно. Вы сказали, моя мать...

РОЗЕНКРАНЦ. Вот именно. По словам вашей матушки, она крайне потрясена вашими выходками.

ГАМЛЕТ. Потрясающе! Редкий сын способен потрясти мать до такой степени. Что же трусит вслед за этим потрясением, не подскажите?

РОЗЕНКРАНЦ. Она просит вас перед сном зайти к ней в будуар для разговора.

ГАМЛЕТ. Повинуемся, будь она нашей матушкой хоть десять раз подряд. Что еще вам надо от меня?

РОЗЕНКРАНЦ. Вы когда-то хорошо ко мне относились, принц.

ГАМЛЕТ. Да, и мое отношение к вам не переменялось, клянусь этими ворюгами и хапугами! (*Указывает на свои руки.*)

РОЗЕНКРАНЦ. Милейший принц, что вас так возбужда-

ет? Вы отказываетесь поделиться с верными друзьями своими бедами и тем самым сжигаете за собой все мосты.

ГАМЛЕТ. Сэр, я еще не всего добился в жизни.

РОЗЕНКРАНЦ. Как же так? Разве король во всеуслышание не объявил вас своим наследником?

ГАМЛЕТ. Вы правы, но «пока травка подрастет...» – что там говорит о голодной лошади народная мудрость?

Возвращаются МУЗЫКАНТЫ с флейтами.

Любезный, дайте-ка мне посмотреть вашу флейту. – Осадите назад! И что это вы отираетесь у меня за спиной? Можно подумать, вы подкрадываетесь ко мне с наветренной стороны, чтобы загнать в западню.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Милорд! Моя услужливость проявляется с излишней настойчивостью только потому, что моя любовь к вам лишена деликатности.

ГАМЛЕТ. Мудрено выражаетесь. Лучше сыграйте нам на флейте.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Но я не умею, милорд.

ГАМЛЕТ. Но я же вас прошу.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Честное слово, не умею.

ГАМЛЕТ. Ну ради меня.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Я даже не знаю, как ее и в руки-то брать.

ГАМЛЕТ. Это так же просто, как лгать. Перебирайте

пальцами эти клапаны, ртом дуйте в это отверстие, и благодаря вам неизреченная музыка вырвется на свободу. Вот, посмотрите.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Но я не могу всем этим распорядиться. Я не музыкант и с гармонией не в ладах.

ГАМЛЕТ. Понимаете теперь, в какое ничтожество вы меня превращаете? Вы беретесь играть на мне; вы собираетесь распоряжаться моими клапанами; вы намерены извлечь из меня тонику моей тайны; вы хотите манипулировать моими регистрами; вы смеете, черт вас возьми, ставить меня ниже флейты, хотя и не можете вытянуть ни звука из нее, из этого органа в миниатюре, наполненного изумительной музыкой. Можно считать меня каким угодно инструментом, можно порвать мои струны, но играть на мне – невозможно.

Входит ПОЛОНИЙ.

Храни вас Бог, сэр!

ПОЛОНИЙ. Милорд, ее величество с нетерпением ожидает вас.

ГАМЛЕТ. Вон облако, похожее на верблюда, видите?

ПОЛОНИЙ. Клянусь Богом, милорд, вылитый верблюд!

ГАМЛЕТ. Я хотел сказать, похожее на крысу.

ПОЛОНИЙ. Да, у этого верблюда спинка, как у крысы.

ГАМЛЕТ. То есть, как у кита.

ПОЛОНИЙ. Точно, как у кита.

ГАМЛЕТ. Ладно, я иду к матери. (*В сторону.*) С ними в самом деле рехнуться можно. – Скажите ей, что я уже иду.

ПОЛОНИЙ. Я так и передам.

ГАМЛЕТ. «Уже!» – не так все просто. – Ступайте, господа.

(*Все, кроме ГАМЛЕТА, уходят.*)

Сейчас начало шабаша ночного:

Повеет адом, встанут мертвецы.

И я бы мог сейчас – что там убить! —

Упитья кровью, от чего наутро

Пришел бы в ужас. Стоп! Меня ждет мать.

О, сердце, человеческим останься,

Жестоким, но не до остервененья,

В грудь сына дух Нерона не вселяй!

Кинжал речей на меч я не сменю,

Перед самим собою лицемеря.

Зато упрек мой будет тем больней,

Что я решил не прикасаться к ней!

(*Уходит.*)

Акт третий. Сцена третья

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦ *и* ГИЛЬДЕНСТЕРН.

КОРОЛЬ. Нам он противен да и посягнуть
На нас безумец может. Посему:
Вот вам бумага, живо собирайтесь
И в Англию плывите вместе с ним.
Он одержим, к тому же – наш наследник,
И в этом заключается опасность,
Какою нам нельзя пренебрегать.

ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы в путь готовы, добрый государь.
О, сколь свята и праведна боязнь —
Лишить опоры подданных своих,
Которым вы даете кров и пищу!

РОЗЕНКРАНЦ. Борясь со злом, обычный человек
Всю мощь своей души бросает в бой.
Тем более обязан защищаться
Тот, от судьбы которого зависит
Существование множества людей.
Кончина короля, как водоверть,
Затягивает всех, кто подвернется.
Вот если, предположим, колесо,
Стоящее на горном перевале
При помощи бесчисленных растяжек, —

Качнется ненароком – в тот же миг
Полопаются жалкие крепленья.
Потом все рухнет. Так из года в год:
Король вздыхает – охает народ.
КОРОЛЬ. Прошу вас не оттягивать отъезд.
В смирительной рубашке надлежит
Быть этому ходячему кошмару.
РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН. Мы тотчас
отправляемся, милорд.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

Входит ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Милорд, он в будуаре королевы.
Я из-за ширм за ними послезу.
Ведь нужен, как заметили вы тонко,
Свидетель, понадежнее, чем мать:
Истолковать слова родного сына,
Она не сможет так, как надлежит.
Все, мне пора. А вы бы не ложились —
Я перед сном с известием приду.
КОРОЛЬ. Я буду ждать. Спасибо, добрый друг.

(ПОЛОНИЙ *уходит*.)

Так согрешил я – тошно небесам.
На мне стоит печать братоубийцы,
Древнейшего преступника земли.

Я даже помолиться не могу;
Хочу и должен – но не в состоянье:
Слова молитв от крови тяжелы.
Я медлю, как слуга у двух господ,
Не знающий, какому угодить.
Да окупись я в кровь родного брата,
Ужели не смогли бы небеса
Мне руки окаянные умыть?
Вот милосердьё, нечего сказать:
Колоть тебе глаза твоим грехом!
Зачем молиться, как не для того,
Чтобы паденья вовсе избежать,
А коль упал – вновь на ноги подняться?
Грех замолил – и не было греха.
Так как же мне прикажете молиться?
«Прости меня за то, что я убил»?
Немыслимо! Пойти на преступленье,
Чтоб обладать короной, королевой,
Почетом, ни о чем не сожалеть
И ожидать прощения за это?
Так, пользуясь порочностью людской,
Злодей богатый душил справедливость
И гнусными дарами поощряет
Продажный суд. На небе – все не так.
Там все твои дела как на ладони,
Там – сколько ни хитри – тебя заставят
Дать показанье о своих грехах.
Так что мне делать? На себе проверить
Божественную силу покаянья?

А если Бог на это не дал сил?
Нет, я свихнусь! В груди – чумная ночь!
И не отмыть помоями души —
Хоть утони в них. Ангел мой, спаси!
Согнитесь, ноги! Каменное сердце,
Стань сызнова младенчески невинным!
Все, может, образуется еще.

(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Вот бы его прихлопнуть за молитвой!

Пустячный труд – и он на небесах.
Вот и вся месть. Тут стоит поразмыслить.
В аду из-за мерзавца мой отец,
А я за это собственной рукою
Мерзавца в рай небесный отошлю?
Но так не мстят, скорей – благодарят.
Отец был после трапезы убит,
В соцветии грехов, как май в цветах.
Кто знает, как за то с ним разочлись?
Но, надо полагать, отцу пришлось
Довольно туго. Разве это месть —
Проткнуть врага, когда его душа
Чиста и к вознесению готова?
Конечно, нет!
Не время, шпага! Будет миг страшней!
Когда он выпьет, выйдет из себя,

Займется кровосмесною любовью,
За карты сядет, выбранится вслух,
За делом о Спасеньи позабудет, —
Ты так его тогда ошеломи,
Чтоб, пятками сверкнув, он рухнул в ад
Вслед за своею черною душою.
Но мне пора. Ждет мать. – Молись пока.
Дай сроку мне еще два-три денька.

(Уходит.)

КОРОЛЬ *(вставая)*. Слова порхают, мысли – все
при мне.

Одни слова на небе – не в цене.

(Уходит.)

Акт третий. Сцена четвертая

Покои королевы.

Входят КОРОЛЕВА *и* ПОЛОНИЙ.

ПОЛОНИЙ. Когда придет, не церемоньтесь с ним.

Мол, совершенно стал невыносим;

Мол, за него вступившись, на себя

Вы приняли удар. Я тут засяду.

А вы возьмите сына в оборот.

ГАМЛЕТ (*за сценой*). Сударыня, сударыня!

КОРОЛЕВА. Явился!

Идите же. Все будет хорошо.

(ПОЛОНИЙ *прячется за ковром.*)

Входит ГАМЛЕТ

ГАМЛЕТ. Зачем вы звали, матушка, меня?

КОРОЛЕВА. Ты огорчаешь своего отца.

ГАМЛЕТ. Вы огорчили моего отца.

КОРОЛЕВА. Что это за бессмысленный ответ?

ГАМЛЕТ. Что это за бессовестный вопрос?

КОРОЛЕВА. Что ты сказал?

ГАМЛЕТ. Что слышали, мадам!

КОРОЛЕВА. Забыл, с кем говоришь?

ГАМЛЕТ. Как будто нет.

С супругой брата мужа, королевой

И – Боже правый! – с матерью моей!

КОРОЛЕВА. Тогда с тобой не так поговорят!

ГАМЛЕТ. Нет, сядьте! Да садитесь, я сказал!

Для вас я буду зеркалом – всмотритесь

И вы нутро увидите свое.

КОРОЛЕВА. В своем ли ты уме? Ко мне! На помощь!

ПОЛОНИЙ (*за ковром*). На помощь! Помогите!

ГАМЛЕТ. Что там? Крыса?

(Прокальывает ковер.)

Попал, дукат поставлю, что попал!

ПОЛОНИЙ (*за ковром*). Я умираю!

(Падает и умирает.)

КОРОЛЕВА. Что ты натворил!

ГАМЛЕТ. В чем дело, собственно? Там был король?

КОРОЛЕВА. Кровавое и гнусное убийство!

ГАМЛЕТ. Убийство? А по мне, оно не хуже,

Чем выйти замуж за убийцу мужа.

КОРОЛЕВА. Убийцу мужа?

ГАМЛЕТ. Точно так, миледи.

(Отбрасывает ковер и видит ПОЛОНИЮ.)

А, это ты, фигляр и надоеда!

Прости! Я думал, здесь крупнее дичь.
Вини судьбу и собственное рвенье. —
А вы, чем руки-то ломать, садитесь.
Я сердце попытаюсь вам сломать.
И коль оно не вовсе очерствело
И медью повседневного разврата
Чувствительность не залита его,
То я все сердце вам переломаяю.

КОРОЛЕВА. Чем заслужила я такую брань?

ГАМЛЕТ. Тем, от чего невинность продается,

Молитва превращается в божбу,
Честь изменяет, гнойное клеймо
На лбу любви священной расцветает
И под венцом торгуется жених;
Вы сделали такое, от чего
Пророчит бойню мирный договор,
Священник богохульствует с амвона,
И обагрил небесную твердьню
Кровавый сполох Страшного суда —
Вот вам итоги вашего деянья.

КОРОЛЕВА. Помилуй, что же это за деянье,

Пролог которого громopodobен?

ГАМЛЕТ. Прошу сравнить вот эти два портрета.

На них два брата запечатлены.
Как благородна внешность одного!
Гипериона вьющиеся кудри,
Взор Марса, повелительный и грозный,
Кронида благородное лицо,
Сложение Меркурия-герольда,

Спустившегося только что с небес.
Вот, словом, человека образец,
В котором чуть не каждый олимпиец
Какой-либо чертою предстает.
И это был покойный ваш супруг.
А вот живой, который колос брата
Своим чертополохом задушил.
Чем вы смотрели? Как же вы могли,
Про луг высокогорный позабыв,
Соломой полусгнившею питаться?
Чем вы смотрели? Вы же не девчонка,
Чтоб разума лишаться от любви.
Какой же надо разум, чтоб назвать
Не этого прекрасным, а того?
Живете вы, живут и ваши чувства,
Но, видно, спят без просыпу они.
Не оплошал бы так и слабоумный.
Не столь безумье убивает мозг,
Чтоб истребить подобное несходство.
Или глаза отвел вам сатана?
Да будь вы даже слепы – осязанье,
Слух, обонянье, слабенький росток
Естественного чувства не дадут
Так обмануться.
И щеки не краснеют от стыда?
Уж если бес в ребро толкает женщин,
То пусть невинность в пламени своем
Расплавится, как воск. Бесстыдству слава!
И пусть огонь безумствует, с тех пор

Как пышет жаром холод, а желаньям
Пособничает разум!

КОРОЛЕВА. Гамлет, хватит!

Я увидала собственную душу.
В потеках несмываемых она,
Кроваво-черных.

ГАМЛЕТ. Падать на постель,
Пропитанную потом, как в притоне,
От похоти сгорать, совокупляться
В зловонных нечистотах...

КОРОЛЕВА. Хватит, хватит!

Кинжалы слов язвительных твоих
Мне вспарывают уши!

ГАМЛЕТ. С душегубом!

Презренный раб! Пьеро, а не король!
Не стоящий двухсотой доли брата.
Бессовестный воришка-узурпатор,
Что золотой венец облюбовал
И прикарманил!

КОРОЛЕВА. Хватит, хватит, хватит!

ГАМЛЕТ. Король в заплатах...

Входит ПРИЗРАК.

Господи, помилуй!

Что вашему величеству угодно?

КОРОЛЕВА. О Боже мой! Да он сошел с ума!

ГАМЛЕТ. Зачем явились вы? Меня бранить
За то, что я возможность упустил

Исполнить ваш ужасный приговор?

ПРИЗРАК. Да, Гамлет, я пришел, чтоб разбудить

Намеренье уснувшее твое.

Но посмотри, как напугал ты мать.

Спаси ее рассудок потрясенный.

Незнакомое женщин тяготит.

Утешь ее.

ГАМЛЕТ. Что с вами, госпожа?

КОРОЛЕВА. Нет, что с тобою, Гамлет, происходит?

Не я гляжу с испугом в пустоту

И обращаю речь к себе самой.

Твои глаза безумия полны,

И, как солдаты, рвущиеся в бой,

Поднялись разом волосы твои.

Мой мальчик, охлади благородьем

Горячкой распаленные мозги.

К кому взываешь ты?

ГАМЛЕТ. К нему! К нему!

Узрев, как неестественно он бел,

Узнав его прихода подоплеку,

И камень взвоят. – Лучше не смотри!

Иначе я при мысли о тебе

Убить не в силах буду, – разрыдаюсь,

Не кровь, а слезы буду проливать.

КОРОЛЕВА. Да с кем ты говоришь?

ГАМЛЕТ. Смотрите лучше.

КОРОЛЕВА. Здесь, кроме нас, не видно никого.

ГАМЛЕТ. А голос вы слышали?

КОРОЛЕВА. Мой да твой.

ГАМЛЕТ. Неправда! Вот он, вот он, мой отец,
Он как живой, как будто бы воскрес.
Смотрите же, смотрите, он уходит!

(ПРИЗРАК *уходит.*)

КОРОЛЕВА. Нет, это бред рассудка твоего.

Болезнь души виденьями богата.

ГАМЛЕТ. Ах, бред рассудка! Нет, не болен я.

Стучит мой пульс, как метроном здоровья.

Сравните с вашим. Вовсе я не бредил.

Могу беседу нашу повторить.

Не смог бы сделать этого безумец.

Не сваливайте ради всех святых

Своих проступков на мою болезнь.

Не мажьте ложью рану ножевую:

Подсохнув, загноится изнутри.

Покайтесь Богу; прежние грехи,

Чтоб избежать грядущих, замолите;

Повыдирайте с корнем сорняки.

Прошу меня за искренность простить.

Таков наш подлый век, что добродетель

Приносит извинения распутству,

Ему во благо обуздав его.

КОРОЛЕВА. Ты на две части душу мне разбил.

ГАМЛЕТ. Вот и освободитесь от больной

И со здоровой частью оставайтесь.

Ложитесь спать. Но только без него.

Невинною припомните себя.

Привычка, притупляющая чувства,
Бывает добрым духом или злым;
Порой она людей преображает,
В сутану благочестья облачив.
Попробуйте сегодня воздержаться,
Потом перенесете легче пост,
А в следующий раз – гораздо легче.
И так, клеймо порока вытравляя,
Смирите или умертвите плоть.
Спокойной ночи. Если ж вам угодно
Меня благословить, то наперед
Благословенье неба получите.

(Указывает на ПОЛОНИЯ.)

Мне жаль его. Но волею небес
Я стал герольдом их и палачом
И покарал его. А он – меня.
Я дам ему приют и искуплю
Свое злодейство. Все. Спокойной ночи.
Я из любви бесчеловечным стал.
Каков зачин, таков же и финал.
Хотя, миледи...

КОРОЛЕВА. Что же, что мне делать?

ГАМЛЕТ. Обратное тому, о чем прошу.

Когда к вам в спальню лже-король придет,
Игриво шлепнет, мышкой назовет
Иль, грязное желанье утолив,
Вам шею станет щупальцами гладить,

Ему вы и поведайте о том,
Что вовсе не лишился я ума,
А притворяюсь. Почему бы нет?
Кто, кроме умной, милой королевы,
Кто, кроме вас, когу, кожану, жабе
Еще доставит этакую радость?
Пожалуйста: в беспамятстве взберитесь
На голубятню, выпустите птиц
И попытайтесь, как они, взлететь,
Подобно всем известной обезьяне, —
Чтобы костей, сорвавшись, не собрать.

КОРОЛЕВА. Клянусь тебе: когда словами дышат,
Дыханием живут, — я не дышу,
Чтоб эту тайну выдохнуть ему.

ГАМЛЕТ. Вы знаете, я в Англию плыву?

КОРОЛЕВА. Ты мне напомнил: так решил король.

ГАМЛЕТ. Написаны и письма и приказ.

А два приятеля, друзья мои,
Точнее две гремучие змеи
Взялись меня в ловушку заманить.
Ну что ж, посмотрим! То-то будет смех,
Когда они на свой заряд наткнутся!
Свой собственный я должен под него
Во что бы то ни стало заложить
И по ветру предателей развеять.
Скорей бы мне того дожждаться мига,
Когда в интригу врежется интрига! —
А труп куда девать? Снесу во двор. —
Спокойной ночи. Леди, полюбуйте:

Шпион-то стал серьезен, мрачен, тих,
А раньше чушь молот за семерых. —
Простите, сэр, но вам пора идти. —
Спокойной ночи, матушка моя.

(ГАМЛЕТ, *волоча* ПОЛЮНИЯ, *уходит*.)

Акт четвертый. Сцена первая

Комната в замке.

Входят КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦ *и* ГИЛЬДЕНТЕРН.

КОРОЛЬ. Из-за чего вздыхаете вы так?

Вы чем-то опечалены? Скажите.

Где Гамлет?

КОРОЛЕВА. Удалитесь, господа.

(РОЗЕНКРАНЦ и ГИЛЬДЕНСТЕРН уходят.)

Ах, государь мой, что тут ночью было!

КОРОЛЬ. А именно, Гертруда? Где ваш сын?

КОРОЛЕВА. Бушует он, как ветер и вода,

Когда они ведут единоборство.

В полубреду почудилось ему

За шторой шевеленье. С криком «Крыса!»

Он шпагу выхватил и старика

Смертельно ранил.

КОРОЛЬ. Милостивый Боже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.